

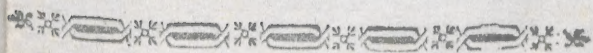
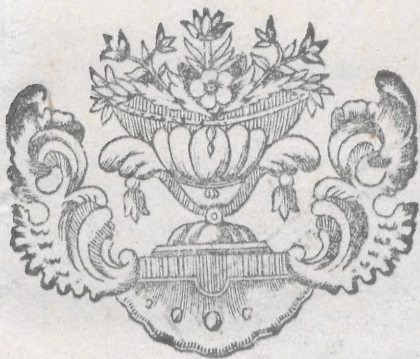

У-80
69-Б

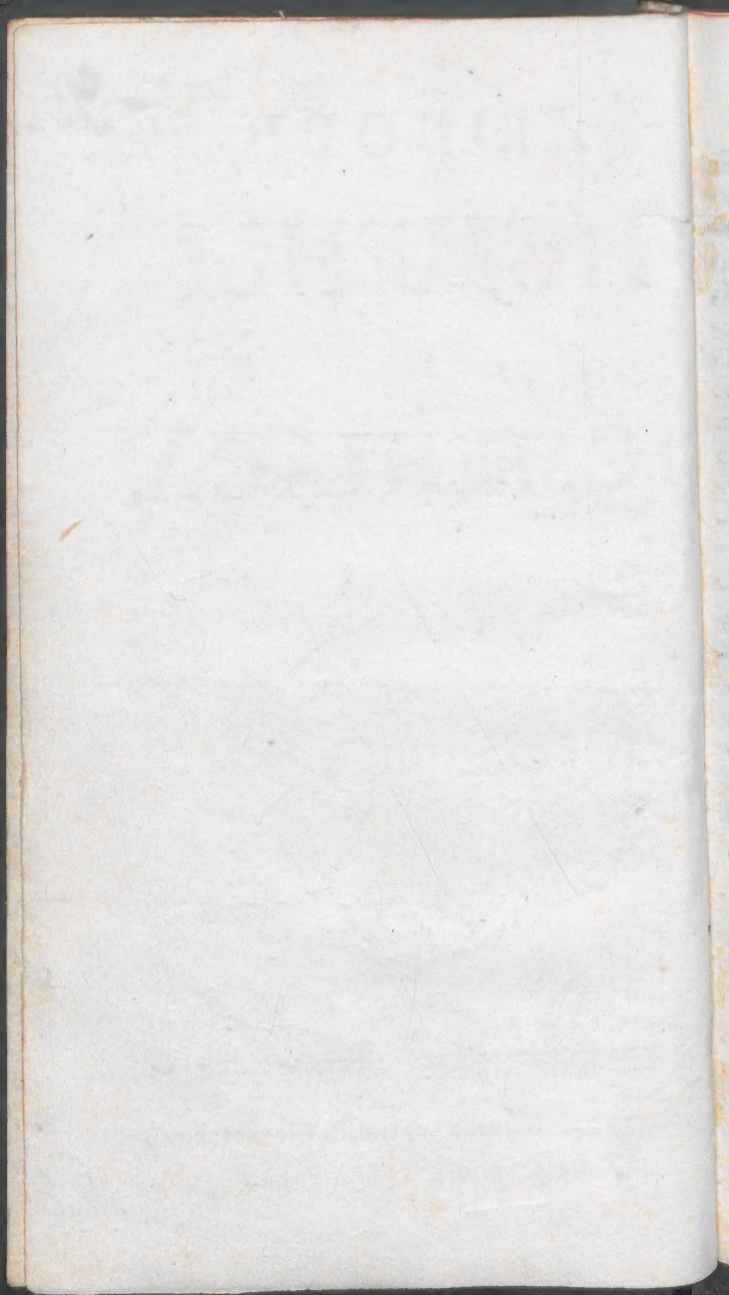
Бошан, П.Ф. Г. де

3-й дч.

МН
ЛЮБОВЬ
ИСМЕНЫ
И
ИСМЕНИАСА.

Печатана при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ 1769. года.

ЛЮБОВЬ ИСМЕННЫ И ИСМЕНИАСА.

* * *

Городъ Еврикомъ имѣетъ прекра-
снѣйшее мѣстоположеніе изъ всей
Греціи. Съ одной стороны окру-
жаетъ его море; съ другой пріятные лу-
га, орошаемые источниками и усаженные
деревьями, представляютъ взору все, что
натура имѣетъ прелестнаго въ простотѣ
своей. Въ защищеніи отъ вѣтрѣвъ ко-
рабли находятъ тамъ во всякое время про-
странное и спокойное пристанище: наро-
ды, привлекаемые вѣрностію купечества,
пристаютъ тамо въ великомъ множествѣ.
Нравы обитателей пріятны; они примѣръ

и подражаніе Греціи. Будучи набожные
самихъ Аѳинянъ , благочестіе ихъ дѣ-
лаетъ ихъ славными и почтенными. Служеніе храмовъ , попеченіе о жертвахъ , вы-
боръ приношеній опредѣляемыхъ богамъ ;
вои въ чемъ состоить , такъ сказать , един-
ственное ихъ упражненіе. Одни они имѣють
должность устанавливать священные дни.
Обряды ихъ великолѣпны и величественны.
Юпитеръ ихъ охраняетъ , всѣ боги имъ
благодѣтельствуютъ. По древнему обы-
чаю , или точнѣе по ненарушимому законо-
положенію собираютъ они ежегодно въ
храмъ Юпитеровъ изъ своего города мо-
лодыхъ юношей , которые еще не любили ;
изъ оныхъ выбираютъ по жребію для
возвѣщенія дня празднованія сосѣдствен-
нымъ городамъ. Должно , чтобъ будучи
владѣтелями сердецъ своихъ при отше-
ствіи были бы они равнодушны и при
возвращеніи. Если жъ кто преступилъ
свою существенную должность своего
званія , строгое наказаніе ожидаетъ пре-
ступника при его обратномъ пришествіи.
Я былъ въ числѣ избранныхъ и назначенъ
въ Авликомъ , славной городъ Греціи. При
выступленіи изъ храма увѣнчанъ лаврами
и въ одѣяніи моего чина , народъ встрѣ-
чаетъ меня съ шумомъ трубъ и соединяетъ
съ своими восклицаніями самую усерднѣй-
шій

тѣхъ и страстнѣйшѣхъ желаній. Одинъ
поздравляетъ меня съ избраніемъ жребія;
сами боги, вѣщаетъ онъ, имъ расположи-
ли. Другой съ наполненными слезъ оче-
ми, что онъ не палъ на его сына, не оста-
вляетъ однако меня дружелюбно обнять.
Иной безъ всякаго собственнаго участія
желаетъ и предвѣщаетъ мнѣ благоспѣшное
мореплаваніе, прочіе въ горячности усер-
дія своего вдаются всему, что ревность въ
нихъ вселяетъ для изъясненія мнѣ любви
своей. Тѣсноста умножается. Я такъ
какъ посреди великой рѣки сильнымъ вѣ-
тромъ возбѣваемой; одинъ духъ и одно
сердце изображаютъ возжищенія всеобщей
радости.

Я оставляю случаи моего путешествія.
Прибываю въ Авликомъ. Меня пріемаютъ
тамъ, не такъ какъ посланника боговъ, но
такъ какъ самаго Бога. Множество на-
рода меня обступяетъ: любовыщество пре-
возмогаетъ надъ почтеніемъ; я тѣмъ ояг-
ченъ. Улицы устланы миртами; воздухъ
произноситъ пріятелишней запахъ изящнѣй-
шихъ благоуханій. Дѣвцы и юноши, увѣн-
чанные розами, украшенные прелестнѣй-
шими цвѣтами, насилу уступаютъ мѣ-
сто знаменитѣйшимъ гражданамъ. Таковъ
былъ Сократъ среди учениковъ своихъ.
Кто изъ насъ, говорили они, удостоится
А 3 щастія

щастія принять его къ себѣ? Кому дастъ онъ преимущество? Я былъ предметомъ общихъ желаній, и собственно самъ по себѣ. Осмѣлюсь по сказанью; казалось, что посолъ въ то время не долженъ былъ ничемъ величеству своего посольства. Бѣдственные чести. Коликихъ слезъ и горестей вы мнѣ стоили!

Сосеенъ превозмогъ надъ всеми своими соперниками. Я вхожу на его колесницу: прибываю въ великолѣпной домъ, въ коемъ вижу себя повелителемъ; прохожу чрезъ все его покои. Схожу въ садъ, истинное жилище чудесъ и наслажденій. Плоды спорятъ тамо въ сѣянн сѣ цвѣтами. Порпуровость виолетъ уступаетъ своимъ блистаніемъ порпуровости лозъ виноградныхъ, которой приклоняся къ землѣ своею пылкостью смѣшивающъ одни съ другими; зрѣніе мнѣ обманывается. Тамъ я вижу розы. Однѣ неразвернувшіяся еще изъ пучковъ своихъ; другія уже разпускающіяся; зефиръ, летая вокругъ ихъ, съ ними играетъ, воздыханія его кажутся ихъ еще болѣе украшающъ. Далѣе гіацинты, лилеи и амаранты подражаютъ смѣшенію и живости цвѣтовъ, коими украшается посланница боговъ, когда она сходитъ возвѣщать намъ ихъ повелѣнія. Тамо изобильно находишься все, что можетъ произвестъ

вещь хитрость и прилѣжные труды садо-
распились рачительнаго угождать своему
господину. Угодливая натура соединяетъ
шумъ всѣ времена года. Тутъ Флора и
Помона во всѣхъ своихъ прелестяхъ и во
всей своей славѣ.

Обпороженной взоръ такими чудесами
Бойтеся утверждать, что лодлинно то
(зрѣтъ :

Не сонъ ли мыслитъ онъ ему тогда ма-
(нитъ

И не однимъ ли онъ окруженъ мѣстами.

Восхищенъ, изумленъ, я мню быть въ
садахъ Алциноусовыхъ; и все, что стихо-
творцы говорятъ о поляхъ Елисейскихъ,
болѣе мнѣ не казалось дѣйствомъ ихъ во-
ображенія. Нечувствительна я нахожусь
при источникѣ: удобно было мнѣ ему
удивляться; но неудобно будетъ мнѣ его
описывать.

Изъ дикой пещеры, гдѣ художество
не дерзнуло ничего придасть природѣ, ис-
текаетъ прозрачная вода, коей влажной
крустатъ стремится въ протокъ устлан-
ной простыми камнями, и пробѣгая сквозь
цвѣтущей лугъ, въ другой гораздо про-
страннѣйшей, впадаетъ наконецъ въ рѣку,
которая, разливаясь по обоимъ сторонамъ
вонъ изъ человѣческаго зрѣнія, заключаетъ
прелестное сіе мѣсто. Вершина пещеры

обѣнлема всегда зеленѣющими кустами. Ни-
когда никто изъ смертныхъ не коснувшись
до нихъ недостойной рукою своею. Обвѣ-
сѣи пропѣла усажены по краямъ густыми
ми деревьями, коихъ соединенные листья сѣ-
подъ ить шуть вѣчную прохладу. Сладки-
кая забывчивость, еще сладоснѣйшій оно бы-
сонъ обитактъ въ семъ уединеніи. До Ч-
стопочипенной старикъ, Неспоръ своего вѣ-
ка, свѣтлымъ видомъ, взоромъ наполни-
нымъ огня, размышлялъ шуть о величѣ бо-
ствѣ боговъ и о ничтожности вещей чело-
вѣческихъ. Объятъ благоговѣніемъ при-
его видѣ, я останавливаюсь страхась пре-
рвать его углубленіе. Поклоняюсь божес-
ству мѣста сего. Прекрасная Найада вѣ-
щаю я ей, да можетъ всегда чистая и
всегда улаждающая вода твоя, увесе-
лять приходящихъ ся смотрѣть и упо-
лять ея жажду свою. Да могу я и самъ
научиться отъ тебя, что самая блистаю-
щая молодость протекаетъ такъ какъ струи
быстрыхъ водъ твоихъ.

Сосеенъ объявилъ мнѣ, что было уже
время сложить съ себя торжественныя
одѣянтія и иппи садиться за столъ. Я слѣ-
довалъ за нимъ съ сожалѣніемъ. Панфія,
жена его, и Имена дщерь его насъ встрѣ-
тили. Отдавъ должности, коихъ пре-
буешь госшепрѣимство, вошли мы въ пир-
шеснвекъ.

шественную салу; обѣдъ былъ достоинъ
у великолѣпнаго хозяина. Принудили меня
взять первое мѣсто; второе занялъ Кра-
пивоенъ, мнѣ спутешествовавшей. Крапи-
военъ искреннѣйшій изъ друзей моихъ,
дали почтѣе другой Именіасъ. По насъ
были жрецъ Юпитеровъ, Сосеенъ и Панфія.
Что принадлежитъ до Имены, она стояла,
отецъ ея поручилъ ей наливать вино,
такъ какъ Гетя въ небѣ наливаетъ нектаръ
богамъ. Съ начала разговоръ былъ важенъ:
мои гостепріимцы меня хвалили, ласка-
ли; я скромно отъ того защищался: но
видѣ имѣлъ принужденной Сосеенъ то
примѣшилъ, и эжались на мое смущеніе:
перемѣнили тотчасъ рѣчь, и невинная
веселость во всѣхъ вселилась. Имена дер-
жа въ рукахъ золотой кубокъ ко мнѣ под-
ходящъ, подноситъ ево мнѣ; я краснѣю,
потупляю глаза свои. Именіасъ, ска-
залъ мнѣ Сосеенъ, тебѣ надлежитъ за-
чать. Стыдясь прижмать въ мои лѣва
столько знаковъ опличности, я повину-
юсь, пью здравіе Юпитерова и всѣ пьютъ
оное взирая на меня.

Едва я могъ только взглянуть на И-
мену. будучи важнымъ посланникомъ бо-
говъ. Я упражненъ былъ только предста-
влять свое достоинство. Взоръ испущен-
ной изъ глазъ моихъ встрѣтился съ ея

глазами: сія пріятная невзাপность смѣшанная съ удивленіемъ покрыла лице мое. Нѣжнымъ румянцемъ; я остановилъ на нѣрѣніе свое, и не возмогъ его отъ нея отъ вратить. Но это была одна невольная дань, приносимая красотѣ ея: сердце мое не имѣло въ томъ участія: оно было еще безъ всякаго движенія. Столькожъ смущенія, какъ и я, Исмента вторично поднесла мнѣ вина. Рука моя прикоснулась къ рукѣ ея, и по восхищенію, коимъ я овладѣлъ, не могъ, я онукъ сжалъ, и принималъ медленно кубокъ: но мнѣ казалось, что онъ еще медлительнѣе мнѣ оной отдавался. Боги! что мы стали въ сію минуту? не знаю. Какъ же то изобразить, чего понять не можно? Мы были примѣчены. Панфія кинула на нея строгій взоръ, отъ коего она задрожала. Сосенъ спроваживъ еще взоромъ привелъ ея въ совершенное смятеніе. Я былъ столько восхищенъ, что совѣмъ того не примѣтилъ. Краписенъ меня толкнулъ. Вдругъ, такъ какъ человѣкъ пробуждающейся при крайней глубокой прѣпасни, я почувствовалъ свою неоспорочность: но не имѣлъ силы въ томъ раскаяться: всѣ были нѣсколько времени безмолвны. Краписенъ спрашивалъ обо мнѣ, я спрашивалъ о Исментѣ. Наконецъ Сосенъ, пришедъ въ себя отъ своего движенія,

смиженія, обращается ко мнѣ. Именѣасѣ ;
 и говоритъ онѣ, почто въ день посвященной
 радости вдаемся мы въ уныніе? Такѣ ли
 мы должны мы чтить Юпитера? Такѣ ли
 стараемся торжествовать его праздникѣ?
 Покази намѣ, что ты самѣ чувствителенѣ
 радости, которую намѣ причиняешь.
 При сихѣ словахѣ смущеніе разсыпается:
 я вижу ясность возстающую на лицѣ
 Имениномѣ; я воспріемлю свою. Она мнѣ
 еще многократно подноситѣ кубокѣ: я
 кажусѣ, принимаѣ его безѣ стремленія,
 онѣ отдаѣ съ осторожностію челоуѣка, ко-
 торой начинаѣ разсуждаѣ, и которой
 думаѣ, что за нимѣ присматриваюѣ. По
 несколькихѣ веселыхѣ рѣчахѣ, я беру
 Лиру; пою славу Самодержца боговѣ, ро-
 жденіе Минервино, пораженіе Титановѣ,
 наказаніе Ликаоново, награжденіе Филимо-
 ново, я представляю его сидящаго на
 тронѣ своемѣ между безмертныхѣ, и
 попрыскающаго однимѣ своимѣ мгновеніемѣ
 небо и землю, и шѣмѣ же самымѣ мгнове-
 ніемѣ утверждающаго восколебавшуюся
 вселенную.

Похвальные плески прервали пѣніе мое.
 Было уже поздно; встаюѣ изѣ за стола.
 Препровожденѣ въ назначенной мнѣ покой,
 я вижу еще Имену, послѣдуемую своими
 невольницами: красота ихѣ можетѣ шоль-

ко уступить красотѣ госпожи ихъ, одѣ
несетъ на головѣ своей золотой сосудъ
съ благоуханною водою; другая больша
тазъ того же металла изъ чеканеннаго
божественнымъ алхимедономъ, на кото
ромъ было проемерно положено сложено
хитроумно; прѣсія неслѣ въ алебастрѣ
вомъ сосудѣ самыя драгоценнѣйшія кур
нѣя Аравійскія. Я принужденъ былъ
дозволить, чтобъ воздали чesнь до
жную моему званію; они омыли мнѣ нѣ
Законъ оправдаеиъ то, что имъ устала
но; Имена, сама Имена ихъ отерла
Да не раздражася тѣмъ боги, я скажу
что въ сію минушу я думалъ бытъ Ал
полоиъ моеущейся среди часовъ. По со
вершеніи сего обряда, Имена говори
мнѣ съ восхищительною улыбкою: Посла
никъ Юпитеровъ, да исполнитъ тебѣ
владѣтельствующее сіе божество покой
ную ночь. Я хотѣлъ ей отвѣчать, но
она вышла. Я ложусь на постелью: вскорѣ
Морфей зашворяетъ опягощенные мои зѣ
ницы; легкой и спокойной снѣ вообража
етъ мнѣ дневныя приключенія. Я вижу
ихъ въ порядкѣ послѣдующихъ одни за
другими, или лучше сказать, я не вижу
ничего кромѣ Именъ. Ея смѣненіе, ея
стыдъ, ея прелести начертанныя въ мѣ
воображеніи живые, нежели представлялись

одними глазамъ моимъ ; это не мечтаніе ,
судбно подлинность . Я съ нею говорю , слу-
шаю ея съ удовольствіемъ , съ участіемъ ,
на которое меня удивляетъ , однако льститъ ;
она спрашиваетъ у себя причины онаго , и
той не нахожу : я перестану оной искасть ,
я не знаю точно чему я вдаюся . Я впу-
скаюсь въ движенія , кои меня прельщаютъ ,
упражняють , кои пріемлютъ мое сердце ,
кои дѣлаются ему природны и кои спа-
новятся ему нужныхъ .

Между тѣмъ ночь оканчивала бѣгъ
свой ; заря , рассыпая мракъ ея , возвѣщала
натурѣ возвращеніе Бога , ея оживотворя-
ющаго . Карисеиъ входитъ въ покои мои ;
онъ меня разбуждаетъ . Другъ мой , говорю
я ему , почто приходишь ты смущать
сладчайшія минуны жизни моей ? Но ты
самъ , перервалъ онъ отворяя мои окна и
показавъ миѣ , что солнце восстало уже
высоко , самъ ты Исменѣасъ можешь ли
погрязнѣть долѣе во снѣ ? Дѣнность прили-
чествуетъ ли посланнику боговъ ? Они
миѣ ея просятъ , прервалъ я съ восхище-
ніемъ ; они не ставятъ намъ въ беззаконіе
своихъ благодѣяній . Тогда я рассказываю
все что со мною случилось : я говорю ему
о томъ , что Имена для меня здѣлала . Я
говорю ему о томъ , не зная цѣны того , и
едва оказывая за то нѣкоторую благодар-
ность .

мось. Холодность моя показалась ему прищворна: однако я отъ него ничего не скрылъ; дружба моя должна ему была отвѣчать за мою откровенность, удивясь найдя меня столь прѣста, онъ уемѣхнул ся, и извѣсняя мнѣ сію уемѣху, Исмена, продолжалъ онъ, Исмена тебя любитъ. Щастіе, но совершенное! Я вижу, что ты ся не любишь. Но что такое есть любить, перервалъ я безприщворнымъ видомъ? Ты это со временемъ узидеши; можетъ быть, день сей не весьма отдаленъ. — Но, кто меня тому научитъ? — Тотъ, кто этому учитъ людей, живошныхъ, и все, что только дышетъ; наисильнѣйшей изъ бо- говъ. Любовь, ихъ и нашъ повелишель. — Но кто мнѣ дастъ ся узнать? — Твое сердце, Исмена.

Отецъ ея къ спашѣ пришелъ пресѣчь разговоръ, которой начиналъ быть, мнѣ въ тягость; мнѣ стыдно было, что онъ меня предупредилъ: посѣщеніе его было недолго; онъ увелъ Краписсена, чтобъ дать мнѣ время одѣться. Я кликнулъ своихъ невольниковъ, и вскорѣ былъ въ состояніи соединиться съ сообществомъ, которое было весьма многочисленно: я долженъ былъ отвѣчать на привѣтствія; показалося всѣмъ, что я исполнялъ сіе съ нѣкоторою пріятностію. Имены шумъ не
было;

было; я бы хотѣлъ ея видѣть. Однако
отсутствіе ея сохранило мнѣ свободу мысли
разума, которой бы я при ней не имѣлъ.

Сей день не имѣлъ почти ничего при-
мѣчательнаго; случаи были все шѣже, что
и во вчерашней. По окончаніи посѣщеній
разныхъ гражданъ, мы пошли смотрѣть
верхнюю часть сада, которой мы еще
не видали. Красоты ея были совсѣмъ раз-
личны. Искусство употреблено тамъ бы-
ло для одного увеселенія глазъ.

Мы взошли на пространное поднятое
насыпью мѣсто. На правой сторонѣ ви-
дны возвышенныя на подножіяхъ бѣлаго
мрамора восемь изваянныхъ изъ мѣди ста-
туй работы Вулкановой, или наилучшихъ
Учениковъ ея? На лѣвой, усроены пери-
ла изъ Паросскаго мрамора: взоръ, про-
стираясь на отдаленныя вершины пріятно
распространяется по плодотворной долинѣ.
Тамъ Церера, превосходя желанія несы-
таго земледѣльца, разстилаетъ все свои
сокровища; позлащенные класы падаютъ
подъ серпомъ ея, вся земля ими покры-
та: удивленной такимъ изобиліемъ хо-
зяинъ полякаго имѣнія приноситъ благо-
дареніе Богинѣ. Безчисленной рой не-
имущихъ находятъ въ однихъ ошаткахъ
ея чемъ облегчить свою бѣдность. Тамъ
невольники палимые зносомъ солнечнымъ,
соста-

составляютъ гору многочисленныхъ ски-
довъ; въ другомъ мѣстѣ волны спонутъ
подъ ярмомъ отъ тяжести сноповъ ихъ
обременяющихъ.

Между тѣмъ какъ упражнялся я симъ
зрѣлищемъ, Краписѣенъ разсматриваетъ
статуи: будучи тогда невѣдущъ я мимо
шедши только имъ подивился, я могъ
быть пронуть тѣмъ только предметами
которые отъ глазъ шли сами собою къ
моему сердцу. Но для него, который
протекъ всю Грецію, и составилъ вкусъ
свой среди чудесъ Аѳинскихъ, Ефесскихъ
и Делфійскихъ, онъ не могъ довольно ихъ
разхваливать. Именѣасъ, говорилъ онъ
мнѣ, видишь ли ты сего Геркулеса! Ка-
кая сила, какое изображеніе! какая испи-
на въ семъ тѣлоположеніи! Видѣ спокой-
ной, выступка твердая; онъ можетъ одною
рукою поднять сію страшную палицу
коею кажется будто онъ играетъ. Левѣ
сѣ раскаленнымъ скомъ, крушащеюся грѣ-
вою, на него рвется: зѣвъ его тѣнитъ
кровію; смертоносные его капли проли-
ваютъ оную изъ всего тѣла героя. Сынъ
Алкменѣи усугубилъ свои усиленія: ты
не будешь сыномъ Юпитеровымъ доколѣ не
совершишь своей побѣды, одинъ ударъ
довершаетъ страшнѣйшій бой сей, и раз-
яренной звѣрь съ раскаленною главою палъ

Въ ногамъ твоимъ: теперь ты побѣди-
тельница.

Вотъ, продолжалъ онъ, видъ веселѣйшей.
Венера принимаетъ яблоко изъ рукъ Парис-
овыхъ. Можешь ли повѣрить смотря на
нее, чтобъ кто нибудь могъ спорить съ
нею о цѣнѣ ея красоты? Радость блистаетъ
въ очахъ ея; она не умножаетъ своихъ пре-
лестей: но представляетъ шокмо ихъ во
всемъ ихъ сіяніи. Сѣи купидоны, игра-
ющіе ея поясомъ, веселятся ея побѣдѣ,
и лукавыми своими усмѣшками ругаются
мишени ея совмѣстницѣ. Парисъ, не
мало восхищенъ своимъ щастіемъ, какъ
ославленъ тѣмъ, что онъ видитъ: кажет-
ся, благодаритъ богиню за даръ, которой
она ему посылаетъ.

Но чье сѣе изображеніе? Величествен-
ной и грозной его взоръ вселяетъ ужасъ
и почтеніе. Это Минерва, наказывающая
Арахну за гордость. Это уже болѣе не
та возносящаяся смертная, которая дер-
зала равняться съ нею; это дѣвица устра-
шенная. Трепетъ написанъ на лицѣ ея,
тщешно она усиливается исторгнуть се-
бя изъ божественной руки ея поражающей.
Разсмотри ея одежду, кою она сама вы-
шивала. Какая тонкость вкуса въ рисун-
кѣ, какая чистота въ работѣ! Не ска-
жешь ли ты, что она дѣлаетъ по вѣянію
зефи-

эфиры? Я не осуждаю олимпийцев богамъ, но сожалѣю о участи ея соперницъ.

Сей богъ возвышается самъ собою: хромъ, безобразенъ, короткіе волосы, голая борода. Онъ возбуждаетъ Циклоповъ, кузнецкихъ перуны: ихъ молоты намъ равно поднятые кажутся головы вдруру ударить на наковальню. Но что смѣетъ онъ съ вниманіемъ смѣшаннымъ съ удивленіемъ? Это сіи хипсиринныя сѣмлеки должны опустить Марса и Венеру, представить ихъ на позорище собраннаго Олимпу. Они непроницаемы зрѣнію, удовольствіе ихъ чувствовать, нежели видѣть. Ра

Здѣсь богиня въ самомъ болѣзненнымъ состояніи. Спрашная кабанъ разстерзала Адониса; Адониса веселіе очей ея, удовольствіе сердца ея, радость души ея, Окровавленъ, обезображенъ, голова повисшая къ его колѣнямъ; она прѣмлетъ послѣднія воздыханія его; горестъ ея не можетъ быть ни жесточе, ни изображеніе живее: не вселяется ли она въ себя? злодѣшная богиня! Не можешь ты ни возвратить ему жизни, не можешь ты ни умереть съ нимъ.

Тако Крапивоенъ толковалъ мнѣ сіи совершенныя произведенія искусства, такъ хотѣлъ онъ толковать мнѣ прочія; какъ же возмогли сопровѣившись моему любопытству:

Богъ, вхожу я съ стремленіемъ въ салу, идущую противъ меня, видѣнная огромность меня поразила, не знаю чѣмъ такимъ, которое все пелікое вселяетъ въ смотрявшихъ на оное. Украшенія самыя рѣдчайшія, и самыя изысканныя, расположенныя одно для другаго, взаимно другъ друга возвышающія. Четыре великія окна разтворяются для чешыре стѣроны свѣта. Потолокъ представляетъ взоры, небомъ написаннымъ споль, естественно, что я думалъ, что это было прямое небо. Птицы летаютъ, воздухъ колеблется. Нѣсколько тонкихъ облаковъ, разбѣянныхъ ненарочно, освѣщаются лучами солнца, которое течетъ исполинскими стопами; оно приближается на средину своего бѣга, четыре картины наполняютъ пространство, находящееся между оконъ. Въ первомъ въ узорно начертанныхъ рамахъ написано имя Аппеллесово; во второмъ Зевкисово, подъ третьимъ Протогеново. Но или живописецъ, не осмѣлился назвать своего имени, или онъ хотѣлъ оставить, искуснымъ достоинствомъ угадать о немъ. Четвертыя рамы были пусты. Я пробѣгаю ихъ глазами, разсматриваю ихъ со вниманіемъ; стараюсь проникнуть истинной смыслъ изображеній, составляющихъ оныя. Недвижимъ, погруженъ въ глубочайшую задумчивость, мысли мои про-

протинаются, и паки застилаются вѣд-
жомъ; но, что я думаю, видѣть, не ви-
жу я вижу въ самомъ дѣлѣ. Такъ к-
человѣкъ въ густотѣ ночной темноты на-
усматриваетъ вдали слабой блескъ, ко-
рой освѣщаетъ ему путь на одну мину-
тѣ онъ исчезаетъ; мракъ углубляется, К-
спрагивающей не знаетъ, гдѣ онъ на-
дѣлся.

Знаешь ли ты, говоритъ мнѣ Крест-
венъ, дернувъ меня за-руку, знаешь ли
что все сѣе не для тебя устроено? Сна-
живописы могутъ заразить сѣе равнодуш-
которое тыставишь столь драгоценнымъ
Ну, такъ я не хочу ихъ больше
дѣть, отвѣчаю я ему, выходя съ поспѣ-
нотѣю. Однако я довольно ихъ видѣлъ
чтобъ не сумнѣваться, что они здѣланы
славу любви. Огни, калчаны, стрѣлы
цепи, все прочія его принадлежности
невольники всѣхъ возрастовъ, всѣхъ нр-
зовъ, всѣхъ народовъ, увѣнчанные розамъ
кидаютъ страстные взоры на молодыхъ
дѣвицъ незначительно убранныхъ; они о-
нихъ бѣгутъ: но даютъ себя высмотрѣть
прежде нежели скроются. О Вене-я, ско-
еи опасные предметы достойны сынъ
твоего! Все дышитъ нѣгою и роскошью
все манитъ къ увеселенію. Соблазнитель-
нѣе мягкой муравы дерева дѣлаютъ е-

нобѣд!

и вѣду прельстительнѣе. Частливый
не ищѣ! вамъ ничего не стѣбитъ предаться
бѣгамъ его, увеселеніе васъ награждаетъ:
и намъ, намъ стѣбитъ сіе покою, раз-
кода; а сего льстиваго удовольствія, коимъ
уплѣнны, мы нигдѣ сыскать не можемъ.
я, Кранисеенъ, которой лучше, нежели
на самъ чиналъ въ моемъ сердцѣ, гово-
илъ мнѣ: сей богъ, противъ котораго
ты защищаешься, смѣется твоему супро-
тивленію, или точнѣе сказать, ты ему
никогда не дѣлаешь. Пораженіе твое неиз-
бѣжно; но знаешь ли, что съ тобою по-
лѣдуешь? Ты возчувствуя силу его, не
куснешь его увеселеній; это наказаніе не-
побѣдимыхъ. Онъ печется о нашемъ ща-
стіи, когда мы сами добровольно печем-
ся о его славѣ. Ехъ! перервалъ я, для
имени боговъ, для имени Юпитера, подѣ-
покровительствомъ коего мы сюда пребы-
ли, прерви разговоръ, которой стѣняетъ
духъ мой. Охотно, отвѣчалъ онъ, нач-
немъ о другихъ вещахъ. Ты уподобляеш-
ся теперь тѣмъ спираждущимъ, кои бы-
ваютъ стѣдаемы внутреннимъ жаромъ;
всѣ примѣчаютъ ихъ состояніе: они одни
думаютъ ушлишь и разсыпашь болѣзнь,
скрывая отъ себя онук. Я не хотѣлъ
узнать себя въ семъ подобіи; однако оно
было списано естественнѣе.

Мы

Мы перемѣнили разговоръ; все, что видѣли, подадо намъ пространное содержаніе къ разсужденіямъ. Возможно ли, зрѣлъ я ему, такъ переходить отъ величайшей простоты къ самой чрезвычайнѣйшей роскоши? Одно мѣсто могли содержать столько вещей между бою противныхъ! Но таковы суть чѣвѣки, отъ началъ онѣ миѣ, крайности соединяются въ ихъ сердцахъ. Удивляюсь, что они такъ между собою несогласны и не помышляютъ, что они почти все сами себѣ противны, подвижны, прѣизменны настоящими предметами. Вся разъ послѣдней кажется имъ лучшим по крайней мѣрѣ онѣ опредѣляютъ выборъ. Соответствуетъ ли онѣ той, которой ему предлѣдовалъ? или нѣтъ. Сіе разсмотрѣніе весьма бы имъ достало: они отъ себя его отгоняютъ не оборачиваются никогда сами на се. Они не примѣчаютъ несообразности своего поведенія; но увѣряютъ себя, что и дѣтѣ того не видятъ. Безъ сей льстивой мысли, безъ сего убѣжденія для самолюбнаго, чтобъ они были или всегда ботраго разумны, или всегда неистовы; поспри до чего сіе доведетъ. Остаемъ сказать извѣдывать ихъ отъ заблужденія, дающего ихъ щасливыми; истинна

ака бы ихъ только смѣшными. Все-
валимъ боговъ, перервалъ я, что мы отъ
ного освобождены: ты премудръ, и я
амбю желаніе подражать тебѣ. Примѣръ
твой, совѣты твои помогунъ мнѣ здѣ-
лалися тебѣ подобнымъ. О возлюбленной
мой Краписоенъ, сколь дружество твоє
мнѣ неоцѣненно! Сколь оно мнѣ нужно?
Безъ него ничего бы я не здѣлалъ безъ
погрѣшенія, и въ званіи, коимъ я по-
чтенъ, оныя были бы всегда чрезмѣрны.
Впредъ не лзя мнѣ буденъ быть незнае-
нымъ. Глаза согражданъ моихъ будущъ
опроверсты на мое поведеніе, естли оное не
соотвѣтствуетъ ихъ ожиданію, естли
оно токмо не превзойдетъ онаго: чѣмъ
болѣе они меня почтили, тѣмъ болѣе они
меня презряшъ; все пусти ко щастію мнѣ
заворашся. Оставшися вѣчнымъ поноше-
ніемъ славнаго рода: надобно будетъ,
чтобъ или я себя изгналъ, или былъ для ней
вѣчнымъ уничиженіемъ. Святая дружба!
Ты меня спасаешь отъ состоянія столь
плачевнаго; ты умножаешь въ сердцѣ мо-
емъ любовь къ добродѣтели: она вѣрная
твоя сослужница; она любитъ любимыхъ
тобою. Ахъ, Краписоенъ, почію не могу
я вселить въ тебя тѣхъ чувствъ, коими
я самъ теперь наполненъ! Благопріятное
сожесство, просвѣти умъ мой, да возмо-
гу

гу я принести тебѣ хвалы тебѣ досто-
 ныя. Но какой невѣдомой жаръ да-
 ми възреченія! Это ея вдохновеніе. Смир-
 ные внемлите гласъ мой. Дщерь небо-
 Ты самой сладчайшей даръ, которой бо-
 въ любви своей ниспослали человѣкамъ
 ты предваряешь ихъ желанія, ты пресе-
 ешь имъ сама собою, ты вселяешь
 ся въ сердца прѣуготовленные шобою
 твоему пріятію Нечестивые тебѣ
 не поминаютъ; то, что они зовутъ дру-
 ствомъ, одно только пустое привидѣніе
 Узы ихъ связывающія, не имѣютъ ниче-
 чистаго, ничего непорочнаго; взима-
 ихъ нужда другъ въ другъ, дѣлаетъ оснѣ-
 ваніе ихъ соединенію, самыя усерднѣ-
 шія предложенія, самыя изнѣнчивыя
 увѣренія относятся только къ прои-
 носящимъ оныя. Они даютъ изъ самолюб-
 бія; пріемлютъ изъ любви къ себѣ. Благо-
 дарность, возбуждаемая въ нихъ благо-
 дѣяніемъ, есть чувствіе пристрастное
 пребывающее въ ихъ дололѣ, доколь по-
 держаеется оно надеждою; не получивъ
 ния добродѣянія ихъ прогаютъ, но ожи-
 даемая: обманутся ль они, тотчасъ раз-
 сыплются и исчезнутъ. Волѣютъ про-
 шивъ неблагодарности друзей своихъ; зло-
 употребляютъ и семеню: неблагодарны
 никогда не любили. Какое различіе съ шѣмъ

то въ насъ происходитъ! Одни вкусы,
одни желанія, одна воля; радость и
корбь, все намъ обще: ты не можешь
ни дышать ни быть щасливъ, какъ толь-
ко во мнѣ; я не могу ни дышать ни быть
щасливъ, какъ только въ тебѣ: душа
моя во мнѣ, моя въ тебѣ. Сладостное
соединеніе! Сладчайшія восхищенія! Вы
не вмѣщаетесь въ предѣлахъ разума! Вы
участъ сердца: оно одно вами владѣетъ,
оно одно даетъ васъ чувствовать.

Кратисеенъ засмѣяся, перервалъ вос-
торгъ мой, говоря мнѣ такимъ образомъ:
ты думаешь, что я долженъ тебя благо-
дарить за всѣ дестныя извѣщенія, кои
ты мнѣ оказалъ: нѣтъ, дражайшій мой
Исменіасъ, я благодарить тебя за сіе не
стану: сіе возженъ ревность въ Исменѣ.
Почетеніе сіе принадлежитъ одной ей. Все
то, что думаешь ты чувствовать ко мнѣ,
ты это чувствуешь къ ней: ты прель-
щаешься: ты мнилъ, что хвалишь и опи-
сываешь дружество; но ты хвалилъ и
описывалъ любовь: не лзя о ней столь
хорошо говорить и ея не чувствовать. Пред-
вѣщаніе мое збылось: ты любишь; не
будь упрямъ въ своемъ притворствѣ, ты
стараешься. Ну, что жъ! сказалъ я ему
воздохнувши, хочешь ли ты меня довести
до отчаянія своими изсмѣшками? Я не

люблю и не хочу любить. Вмѣсто того
чтобъ податься сему немилосердному богу
противъ меня оружіе, ты бѣ долженъ
былъ мнѣ вспомоществовать противъ него
и защищаться. Я! перервалъ снѣ, я, я
противлюсь богамъ! Они меня накажутъ
Ты самъ, ты самъ на меня вознегодуешь
Юпитеръ, возопи я, всѣ предались
я; тебѣ осталось меня избавить. Но
демъ, продолжалъ я, подемъ во хра
довершивъ должность моего посольства
и есмь одно бѣгство можешь мнѣ
гнуть меня отъ напасти, мнѣ угрожающе
удалимся скорѣ отъ мѣстъ столь бѣ
спешныхъ моей невинности. Итъ, Кр
писеевъ я готовъ возвратиться въ Ев
комъ; и есмь ты думаешь, что зар
Именны удобны здѣсь удерживать меня
удали меня отъ очей ея; есмь ли жѣ пр
тивъ воли моей отрекусь я тебѣ по
даться, здѣлай мнѣ насиліе, повлекитъ
я неволею. Говоря тако прижалъ я
къ своему сердцу, слезы мои ороси
лице его: я спешу, испускаю тяжкія во
дыханія; сердце мое слабѣетъ, и
дышать болѣе не могу. Къ совершенной
огорченію надлежало себя принужда
тъ сѣмъ жесточайшемъ состояніи. Сосе
насъ искалъ: мы его увидѣли, онъ съ
ми соединился. Крапсеевъ захватилъ

могъ рѣчь, чтобъ дать мнѣ время припнѣ
у бѣб себя отъ моего смущенія, или по крайней
мѣрѣ унять его наружно. Упражненіе ли
онъ былъ другими вещами, или я здѣлалъ
усиленіе надъ собою: казалось, что онъ не
примѣнилъ моего замѣшательства. По-
спѣшно было кушанье. Я вхожу твердо
и смѣясь не смотрѣть на Имену. Я не
знаю, какое божество меня подкрѣпляло;
но я находился въ пашнѣ, коей я вну-
ренно радовался: не знаю и того, не дер-
знулъ ли уже я въ минной своей безопасности прервать любовью. Ужинъ былъ
неравномерно великодушнѣе прошедшаго;
удобно было видѣть по нѣжности и рѣдко-
сти бѣствъ, что Сосенъ вчера предсказалъ
оной невзможно. Я имѣлъ свободу раз-
смѣрять все учрежденіе. Имены нуть
не было, я привыкъ къ ея отсутствію,
былъ спокоенъ, или по крайней мѣрѣ ду-
малъ быть онымъ. Юпитеръ, вѣдѣль я
тайно, благодарю тебя, что ты произвелъ
во мнѣ столь скорую и столь щастливую
перемѣну. Увы! Юпитеръ самъ игралъ
моею слабостію.

Делъ часа пропекли безъ чувствитель-
наго движенія, безъ явнаго беспокойства
съ стороны моей. Уже я льстился, что
напасть миновала. Паръ оканчивался;
хотѣли только встать изъ за стола: пла-

чезшая минута! Имена, въ препровождѣніи самыхъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ Авликома, входитъ съ скромнымъ видомъ; протѣсь зрѣлицъ всѣ восклицають: взоры братья раздѣляются между столькихъ восхищительныхъ предметовъ, они не знаютъ на комъ ромъ остановиться. Мои скоро опредѣлены были. Имена, ты ихъ вспоминала! Вся душа моя перешла въ глаза мои. При звукѣ ея лиры подруги ея соединяются, то вдругъ расходясь; все, что искусство танцованія, все, что естественныя пріятности, предводимыя и оживляемыя Именою, произвести могли было ими исполнено: между тѣмъ Сократенъ повелѣваетъ дочери своей замолчать всѣ умолкають. Боги! какой голосъ! какая пріятность! какая стройность! какой вкусъ! какая живость! Не Филомела ли это? Не Сирены ли? Нѣтъ, это Имена. Я былъ обѣянъ, восхищенъ. Кратисенъ весьма много меня примѣтилъ. Хочешь ли ты, сказалъ онъ мнѣ на-ухо, хочешь ли теперь отправиться въ Еврикомъ? Едва я слышу, что онъ мнѣ говоритъ. Обольщающее увеселеніе, сколь ты мнѣ стоило дорого.

Всѣ наконецъ разошлись: небо было ясно: глубокая тишина царствовала во всей натурѣ; я одинъ былъ волнуемъ: суетно
при-

призываю я покой, онъ далеко бѣжитъ
отъ меня. Смущеніе мое множится паче
снѣговъ, чѣмъ я стараюсь рассыпать его:
одно чрезмѣрно, и возрасти больше не мо-
жетъ; я имъ опягченъ, но сподъ же живо-
го чувствую. Сколь я безуменъ! Я хочу
еще скрывать отъ себя причины онаго. Я
бѣгаю, хожу скорыми стопами, вдругъ
останавливаюсь, бросаюсь опять на посѣ-
дую, мечусь съ нея какъ съ зажженного
спруба. Подобно какъ молодая Серна,
уязвленная отъ Нимфы Данниной въ лѣ-
сахъ Цинфинскихъ: щедешио усиливается
исторгнуть стрѣлу ея раздирающую, она
наполняетъ воздухъ воплемъ своимъ,
мчится всюду, куда несетъ болѣзнь ея,
но носитъ ея вездѣ съ собою, ничто ея
не обলেখаетъ.

Я находился въ сѣмъ музительномъ
состояніи, какъ вдругъ среди ночи бли-
стающей свѣтъ порзилъ глаза мои; я
слышу ужасной стукъ, подобной грому.
Сидящей на великолѣпной колесницѣ Ку-
пидонъ представляется мнѣ во всей своей
славѣ, окруженъ несчетнымъ множествомъ
подданныхъ Именіасъ. Вопіютъ они всѣ
мнѣ, познай вседержителя природы, пади
предъ нимъ и обожай его. Я бросаюсь
къ ногамъ его, не зная самъ, что дѣлаю.
Купидонъ, держа натянутой лукъ въ ру-
кахъ

какъ своихъ, грознымъ взоромъ, лицомъ
 пылающимъ гнѣвомъ, отвергаетъ при
 жденное мое приношеніе. Это ты, го
 ритъ онъ мнѣ, дерзновенный, смертно
 противящейся власи моей? Однѣ
 думаешь ошъ меня избѣгнуть. Сеи со
 моего ты называешься посланникомъ, с
 богъ мнѣ не сопровождается. Умри де
 ской! Я не хочу болѣе сердца твоего, к
 его ты мнѣ добровольно не сдалъ,
 хочу крови твоей, такъ какъ жертва
 ожидающая ошъ жреца своего закланія
 ожидалъ я смертнаго удара. Рука съ
 поднята; лукъ напряженъ, несчастная
 стрѣла готова была лечь, и его ошм
 нѣ исполнился, я ожидалъ только смерт
 наго удара. Вдругъ восстаетъ смятенно
 шумъ удивленія; Купидонъ останавливаетс
 и смотритъ. Благотѣльное молчаніе
 объемлетъ всѣхъ, сопровождающихъ его
 И оглядываюсь: вижу Ремону, розо
 вѣнокъ на головѣ и пукъ цѣпковъ въ ру
 какъ ея; она подходитъ робкомъ видѣ
 коего всѣ движенія учреждаемы были Гр
 ціями. Падши къ ногамъ бога, она об
 нимаетъ его колѣна, орошаетъ ихъ свои
 ми слезами, она не смѣетъ говорить, он
 не имѣетъ къ тому силы. Купидонъ по
 нимаетъ вѣлѣтельное сіе молчаніе. Какъ
 Исмена! возгласилъ онъ, подымая ея: тв

тается, ты плачешь о неблагодарномъ,
презирающемъ мою власть, и твои пре-
тести! Дай мнѣ его наказати, и моя ж
живая слава просияетъ его смерти. Повели-
тельница боговъ, говоритъ она ему, скром-
нымъ голосомъ, Именіасъ тебѣ больше
не супротивляется; онъ твой мейольникъ,
онъ воздыхаетъ, онъ любитъ. О Имена!
ты проникла въ мое сердце. Тогда она
спустила мнѣ розовой вѣночекъ свой, я при-
няю его изъ рукъ ея, самъ надѣваю его
себѣ на голову: Купидонъ укрощается,
все радуются его побѣдѣ, и все из-
чезаетъ.

Удивленіе и восхищеніе моимъ приключе-
ніемъ, не домысливаюсь я, радоваться ли
мнѣ или шуметь должно. Соспоянтіе мое
опустилось: я знаю славу мою, знаю
предметъ ея; я наполненъ пріятнѣйшими
мыслями: воображеніе мое мучитъ меня;
я лезу на крылахъ надежды. Лестныя
мечтанія, куда вы бѣжите? Почему вы
меня самому себѣ оставляете? Самые
жесточайшія движенія колеблютъ мною;
я горю огнемъ, кою жаръ меня сѣбда-
етъ. Куда несущся желанія мои? Имена,
пріди раздѣлишь со мною восхищенія мои,
уступи неустерпимую моему, щепотіе мое
написано на очахъ твоихъ; мои являютъ
тебѣ всю душу мою. Кто можетъ удър-
жать

жать тебя? Какія чудовища. Остановившись
взвѣсивъ меня на пути моемъ? Я леденѣю
отъ холоднаго ихъ яда. Свирѣпое волнѣніе
я не могу болѣе снести тебя.

Разбуженной моимъ воплемъ, моимъ
рыданіямъ, Кратисеенъ входитъ въ покои
мой. Другъ, говорю я ему воздыхая
любовь мнѣ опустошила: она истощила надежды
моихъ сердцемъ всѣ стрѣлы галчана своего,
все пламя огней своихъ; я люблю
но полно на что тебѣ то сказывать? Становятся
розы довольно то кажутся, и смущеніе
мое кажется еще то болѣе; я люблю
продолжалъ я прерывающимся голосомъ
О Юпитеръ! о Венера! о Исмена!

Кратисеенъ отвѣтствуетъ жалобамъ
моимъ великимъ хохотаньемъ. Я боялся
говорить онъ мнѣ, чего нибудь другаго.
Успокойся лучше и спайся заснуешь. По
сихъ словахъ, онъ хочетъ меня оставить;
я его удерживаю; дѣлаю ему подробное
описаніе ярости Купидоновой, угрожаю
его и его побѣды. Исмена, продолжалъ
я, Исмена спасла жизнь мою, чѣмъ я ей
не долженъ? Исмена здѣлала меня нѣжнымъ,
чувствительнымъ: и она пребудетъ вѣч-
нымъ предметомъ моей нѣжности и моей
чувствительности; любовь не имѣетъ ужъ
больше стрѣлъ, она не можетъ уязвить
меня для другой. Наконецъ перервалъ

Кра-

Кратисоевъ, я тебя вижу въ такомъ состояннѣ, въ какомъ желалъ видѣть: ты любишь и страсть твоя тебѣ любезна; ты упражненъ только ею, ты говоришь только о ней: я выслушаю тебя завтра; сонъ меня спягощаетъ, прости: онъ уходитъ. Я пакн остаюсь одинъ, пакн уповаю въ своихъ размышленіяхъ. Нечувствительная тишина послѣдуетъ моему волненію; пріятное прохлажденіе разливается по всѣмъ чувствамъ моимъ, я засыпаю. Любовь! сонъ почищаетъ права твои: послушавшыя мечтанія берутъ на себя всѣ образы: какіе тебѣ угодно дать имъ; они веществууютъ въ воображеніи твоихъ, къ коимъ ты ихъ посылаешь. Это ты, прекрасная Имена: ты потупляешь глаза свои? Ты молчишь; что вижу я? кажется ты отъ меня бѣжишь. Постой: я ужъ болѣе не толь несмысленной Именасъ, которой не чувствуютъ цѣны благодарнѣй твоихъ, которой не смѣетъ взирати на тебя, которой хочетъ укрыться отъ прелестей твоихъ; я любовникъ спрашной, спречительной: веселись плодомъ твоимъ. Чего ты спрашишь? Постоянство мое оправдигъ живость желаній моихъ. Я беру руки ея, сыпаю ихъ цѣлваніями, сжимаю ея въ своихъ рукахъ; все пламя сердца моего переходигъ въ

уста мои, я притупляю ихъ къ устамъ
 ея: она вырывается: хочешь убѣдить
 любовь ея удерживаешь, она рассыпаетъ
 страхъ ея, усугубляешь дерзость мою
 наши потдыхавія смѣшивающся, глаза ея
 наполняются прелѣщающею томностію
 она смущается, забываешь. Преле-
 стной безпорядокъ! Полкъ служивыхъ
 Купидоновъ разогнали съ стрѣлами своими
 стыдъ, которой пошлупа глаза свои, убѣ-
 ешь. Любовь, для чего покрываешь ты
 зависюю свою уста мои? Не бойся ниче-
 го, вѣрься моею скромности. Имена ты
 плачешь; силы твои оживляются, губы
 твои меня превосходятъ, самыя страшныя
 шія восхищенія должны ли казаться
 досадны любовницѣ, которая ихъ рождаетъ
 ешь? — Дражайшей Именасъ, умѣрь жи-
 вость своихъ, пощади слабость мою; ты
 считаешь, что любишь: если бы меня
 любишь, слезы мои должны удерживать
 тебя; если же не любишь, ты чрезмѣр-
 но свирѣпствуешь меня столь жестоко
 понуждая. Я боялся раздражить ея; но
 стыдился уступить ей, спранный дѣй-
 ствіе любви! Я не смѣлъ одержать побѣ-
 ды, за которую гнался столь ревностно.
 Имена ты здаешься: какое препятствіе
 тебя останавливаетъ? Зрѣніе мое попра-
 чается, я ищу тебя повсюду, и нигдѣ

де обрѣтаю : остаюсь безсилецъ и безгла-
вѣнъ ; восстаюу въ мнѣ незнаемыя мнѣ
движенія ; сердце во мнѣ бьется ; все тѣ-
ло мое шепчетъ . Я пробуждаюсь . Бога !
если заблужденіе сна имѣетъ сколько
прелестей , какая же должна быть сла-
дость забавъ истинныхъ ? Возвратись
сладостное прельщеніе ! Суебно тебя я
призываю ; Морей затворился уже въ сво-
ихъ черпogaхъ . Не могу я ни встать ,
не могу ни заснуть . Я уповаю во множе-
ствѣ смятенныхъ думъ , коихъ я разо-
браться не стараюсь ; я воображаю съ весе-
ліемъ всѣ подробности сновидѣнія моего .
Вспоминаю о мечтательномъ щастіи ,
что мѣняю одну химеру на другую ; и
такъ какъ говорю спохотворецъ .

Плывяся иногда единымъ припи-
(дѣньемъ

Нашъ ослѣпленной умъ лишается
(прельщеніемъ ,

И обольщая взоръ пріятною мечтой ,
Манитъ себя собой найденной суетой .

Природа скрыла отъ насъ пріямое
(утѣшеніе ,

Не рѣдко сей обманъ даетъ намъ нѣ
(обележеніе .

Между тѣмъ румяная зоря прогоняетъ
темночю ночную , и убитая сама опѣ взо-
ровъ свѣтлоснаго бога , спремится всер-
гнуться

гнувшись въ объятія смертнаго любимца
его. Я иду искать Краписсена; мы схо-
димъ въ садъ, я прохожу въ салу. Кар-
тины сіи, кои мнѣ вчера казались столь
опасными не соответствуютъ ужъ болѣе
попавшю, которое я возымѣлъ о любви.
Изображеніе ихъ слабо, неодушевленно.
Живописецъ, ихъ начертавшей, конечно не
любилъ, онъ бы придалъ любви больше
пріятностей, больше огня, больше преле-
стей. Невольники, окружающіе ихъ, не
имѣютъ сего вида томности, восхищенія,
которое переходитъ въ глаза, которое
на олияетъ, которое проникаетъ прямыхъ
любениковъ. Но что воскричалъ я! между
сими прекрасными предметами, я не зрю Ис-
мены. Или не смѣлъ онъ написать ея? или
чувствовалъ онъ, что природа перехо-
дитъ иногда за предѣлы воображенія, и
что искусство можетъ придать совершен-
ства только тому, что оно само изобре-
щаетъ, однако оно пребываетъ всегда нѣ-
же подлинности? Нѣтъ, нѣтъ, онъ
имѣлъ причину позабыть Имену; чѣмъ бы
ему осталось изобразить Купидона? Она бы
украсила триумфъ его, она бы помрачила
самаго побѣдителя.

Вдругъ перемѣня рѣчь, я обращаю къ
богу словъ сіи, кои удивляютъ Краписсе-
на. Довольно, любовь, ты превозмога-
ешь:

мать: нѣтъ больше для меня Еврикома;
 схо- опечесство Именино стало моимъ опече-
 Кар- ствомъ, и я съ сего часа гражданинъ Авли-
 пол- кома. И такъ, перервалъ онъ у меня
 ояб- спрогимъ голосомъ. Именасъ забываетъ,
 бви- что онъ посланникъ Юпитеровъ и перей-
 нно- дя отъ одной крайности въ другую, онъ
 не- безудержно поддается страсти, которая
 ьше- была предметомъ всей его болѣзни! Имен-
 ле- насъ, гражданинъ Авликома! Боги, не во-
 не- снѣ ли сіе я слышу? Или ужѣ забвенно по-
 ыя, бой что ты долженъ себя нѣжной горяч-
 ос- ности опѣа тебя любящаго? Или не по-
 хъ- мнишь ты, что плачущая мать тебя ожи-
 ду- даетъ? Предметъ ихъ увеселенія и печал-
 с- ии, хочешь ли ты умертвить ихъ? Кто
 о- приметъ послѣднія ихъ вздыханія? Кто
 и- затворишь имъ очи? Неблагодарной сынъ!
 - не востаетъ ли природа въ твоемъ сердцѣ?
 - Свирѣпой другъ, возопалъ я; но не ты ли
 погубилъ меня: я хотѣлъ убѣгнуть; сы-
 ло еще время: ты меня не допустилъ.
 К кую изыраешь ты минути меня отъ
 самаго себя отторгнуть? О Темиссеей, о
 Діанфія! злощастной сынъ вашъ, не имѣ-
 етъ ужѣ больше силы слушать своей дол-
 жности: немилосердая любовь дѣлаетъ
 его нечувствительнымъ къ горячести
 вашей, къ слезамъ вашимъ, и къ тому,
 что только не Имена. Повелѣтелъ мой

гласъ чести щеголиво усиливается быстрой
услышанъ; честь ея, коей права была мнѣ
столь драгоценны, производить одни только
ко безсильные звуки, которые когда дохо-
дятъ до ушей моихъ. Тако говоря, взи-
ралъ я на Купидона: онъ казался моею сла-
бостию, я веселился и самъ безсестною жер-
твою кою я ему приносилъ моимъ разумомъ.

Красивѣе взиравъ на ея съ пред-
зрѣніемъ. Я признаюсь, сказалъ онъ
мнѣ, что я предвѣждалъ тебѣ, что ты
любить будешь: я дѣлалъ еще и больше,
я сражалъ сомнѣнія твои; приготовлялъ
сердце твое къ полученію изображеній,
кои Имена произвести въ немъ была до-
стоина: я предвидѣлъ, что родясь чув-
ствительнымъ, ты сопротивляешься отъ
одного стыда и робости; тѣмъ ли я по-
губилъ тебя? Возмоги ли я представить,
что любовь, рождающая и множащая
добротѣи въ сердцахъ благородныхъ,
твою разрушитъ? Нѣтъ, дражайшій мой
Именасъ, я лучшее имѣлъ о тебѣ мнѣ-
ніе; я не покинулъ его еще: преодолѣ-
лся; сраженіе трудно: но слава его на-
гражденіе. Люби Имену, я соизволяю,
но люби образомъ ея достойнымъ. Таин-
ство должно быть отъ любви неразлучно;
макѣешее разглашеніе погубитъ и тебя и
я; ты любовникъ, но и посланникъ Юни-
терозъ.

которой, не токмо не думалъ о людяхъ
моей къ его дочери, коей онъ не зналъ
ни начала ни возвращенія, имѣлъ совѣта
другія о ней намѣренія; но боги не благово-
лили, чтобъ они совершились. Подойдя
къ намъ онъ намъ сказалъ, что все было
изготовлено для жертвоприношенія, кото-
рое мы должны были принести за
Юпитеру. Пройдя нѣсколько по саду,
разговаривая обыкновенно въ семъ случа-
ѣ о вещахъ не важныхъ, вошли мы въ
штвенную салу. И думаю, что сей об-
былъ великолѣпнѣе всѣхъ ему предсѣ-
жавшихъ: я оставляю о немъ судить Кре-
тиссену. Что принадлежитъ до меня,
не видалъ ничего кромѣ Исмены. Я дѣлалъ
всѣ неистовства человѣка лишь моихъ на-
чинающаго еще любить; и дѣлалъ ихъ
тѣмъ болѣе, чѣмъ общался дѣлать ихъ
меньше. Осторожиѣ нежелая, Исмента
не допустила, чтобъ они были примѣченны.
Если рука моя османивалась на рукѣ
ея, она ея скромно и безпримѣрно сн-
мала; если я смотрѣлъ на нея, она по-
ступила глазу; если я хотѣлъ говорить
съ нею, она отворачивалась при малѣй-
шемъ поозрительномъ движеніи. Взоры ея
мигъ сказывали, что за мною примѣтающі;
я иногда принуждалъ себя на минутну-
ю крайней мѣрѣ думать, что себя прину-
ждаю;

люблю: безмѣрно хвалилъ себя за свою
знатность, и льстился, что одна Имена
вѣнчала во глубинѣ моего сердца. Сколь
слабѣющіе сумозбродны! Они себѣ вообража-
ютъ тогда, когда всего себя показываютъ,
что любовь покрываетъ завѣсою глаза всѣхъ
тѣхъ, кто ихъ примѣчаетъ, и что они
однихъ себя имѣютъ свидѣтелями своихъ
дѣйствій.

Собрали со стола. Я не знаю, бѣ ли
я; и есмь ли бѣ не коснулся я руки Име-
ниной, когда подносилъ она мнѣ кубокъ,
не зналъ бы я и того пилъ ли я: но знаю
только что я получилъ въ рѣ отъ Имен-
ной, коей и бжнныя чувствованія перешли
въ мое сердце, о Венера! ты, коей стра-
стные и сладостныя выраженія произ-
водилъ въ безсмертныхъ столько жѣ дѣй-
ствій сколько и твои прелести, Имена
же меня возрѣла: ты дала мнѣ чувство-
вать сладость сего взора, научи меня у-
знать онаго цѣну.

Сосѣди взявъ меня за-руку говорилъ
мнѣ тако: Именѣсь, при ужѣ дни про-
шли какъ ты здѣсь; мы имѣемъ обычай
употреблять сіе время къ воздаянію по-
сланникомъ божескимъ чести дошодол-
жной ихъ лицу и званію. Пѣнясь имѣвъ
тебя между нами, вѣрь, чтобъ мы никогда
разстанься съ тобою не жѣли: но над-
лежитъ,

лежати, чтобъ веселѣ гостепріимствид.
успили должностямъ закона. Поѣдешь
завтра въ Еврикомъ; Самодержецъ боготы
требуетъ отъ насъ тамъ жертвы: поды
успокоится съ Краписоеномъ. Скажутъ
се меня оставляютъ. Ру

Громовой ударъ, упавшей съ прескомма
къ ногамъ путешествовавшей объятаго шмком
не столько его поразилъ какъ поразилъ
меня несчастныя слова сіи. Безъ гласъ во
безъ движенія, я думалъ, что смерть уд
ромъ лѣпной косы своей низвергла меня
престодіия ширшара. Сей безмольной
рѣни наследуешь волю, болѣзненн
спенанія. Ишь, возопилъ я, ишь,
покину я Имена: жизнь моя связана
я присушествіемъ; я хочу и жить и ум
реть съ нею.

Она между тѣмъ прогуливалась; я е
увидѣлъ, и увѣрялъ, что она была одна
ты ли это, говорю я ей, дражайшая
смена? Она убогаешь, не отвѣщая мнѣ
я удерживаю ее за ее одежду, хоч
схватить у ней подѣлу. Именасъ, ска
зала она мнѣ улыбувшись, потыкай сво
звѣте, потыкай по крайней мѣрѣ свящ
ныя украшенія саго, ничто себя ни ун
машь. Схватилъ ли подѣлу и напаси, ко
торой ты себя и мела подвергашь? Нас
пододрѣваютъ; можешь быть, и теперь
видашь.

Исполнилась. Исполнилась, ты меня не слуша-
ешь. Сколь ты различенъ съ тѣмъ, что
былъ вчера? Скромнѣе и снѣдливѣе,
попы не смѣлъ взглянуть на меня. Между
нами какъ она такъ говорила, я держалъ
руку ея въ рукахъ своихъ; я ея сжи-
комалъ, я ея цѣловалъ, я омочалъ ея сво-
ими слезами. Увы! говорилъ я ей, воз-
дыхая, я плачу очень дорого минушу удо-
вольствія: я тебя ужъ вѣчно не увижу;
завтра отбѣжжаю въ Еврикомъ. Да и я
туда же ѣду, перервала она, вырвалась у
меня. Я слышу шумъ, не смѣю за нею
гнавшись, это былъ Краписенъ, которой
лежалъ подъ густою машою, и поко-
лебалъ ея вѣтвями. Онъ подходитъ ко
мнѣ: я не узнаю его въ темнотѣ; я укрыва-
ясь отъ него, боясь не невольникъ ли это
Сосенной. Можно ли, говоритъ онъ мнѣ
съ лукавою насмѣшкою, движеніе листоч-
ковъ тебя пугаетъ! Эта очень мала при-
чина покинуть любовницу, съ которою
ты, можешь быть, навсегда расстаешься.
Раздѣли мою радость, отвѣчаю я ему:
Имена ѣдетъ съ нами, я слышалъ сіе отъ
нея самой. Помоги мнѣ ея сыскать, мо-
жетъ быть, она еще ѣдетъ. Нѣтъ, вѣтъ,
попорежеть онъ, я не буду тебя слѣдо-
вать, пивое дѣло бѣжать, а мое спать: я
осмѣляю себя съ лучшимъ помощникомъ
съ

съ любовію. По семъ онъ отъ меня утѣши-
дигъ.

Я пробѣгаю всѣ дорѣги, всѣ околицы
ѣти; я ошанавливаюсь, прикладываю уху
не слышу ничего. Я кличу Имену, она
мнѣ не отвѣчаетъ; я безпокоюсь, смущаюсь.
Не прошло еще минуты, какъ я
видѣлъ: но можно ли то довольно видѣть
что любишь? Я долженъ былъ завтра
нею отѣхавъ, но сѣе завтра казался
мнѣ весьма отдаленно; я обвинялъ бога
обвинялъ Имену: потѣмъ чтобъ оправдан-
ея, говорилъ я себѣ: она не знаетъ, что
ты ея ищешь, она не знаетъ, повторяю
потчасъ я, не должна ли она то себѣ
образить.

Наконецъ по многихъ жалобахъ и без-
полезномъ исканіи, я думалъ, что она воз-
вратилась въ покой. Я обманывался, она
мнѣ послѣ сказывала, что боясь меня
боясь самой себя, она имѣла силу воспри-
имчивиться; что любовь стеснала въ ея серд-
цѣ видя себя жертвуемую добродѣтели,
что она сама отъ того стеснала, и что
безъ одной изъ ея невольницъ, которая
къ ней пришла. Она бы, можетъ быть, не
въ силахъ была преодолѣть удовольствіе
дать себя найти. Любовь, естели то
правда, что ты воспламеняешь сердце
только для того, чтобъ здѣлать ихъ сча-
стли-

упливыми, для чего предаешь ты ихъ
разни и предрасужденію.

Я проводилъ всю ночь не возмогши за-
творить глазъ своихъ. Сонъ или боит-
ся или почитаетъ лкбонниковъ: онъ зна-
етъ, что они предпочитаютъ дарамъ его,
обладающую ими задумчивость, въ семъ
состояніи, душа пламенная, восхищен-
ная въ самой себя, сообщаетъ тѣлу слад-
кую забывчивость, которая служитъ ему
вмѣсто покоя. Сія слабость, сей восторгъ
лучше чувствуется нежели изображается.

Смятенной шумъ голосовъ, возвѣстилъ
мнѣ, что настало уже время вставать.
Сосеи въ войдя въ покой мой удивился,
увидя меня еще на постелѣ. Именіасъ,
сказалъ онъ мнѣ, все изготовлено къ оп-
равленію нашему; одѣвайся ипши въ
храмъ. При дверяхъ его нашли мы весь
Аввакомъ насъ ожидающей. Мы входимъ
въ оной среди восклицаній. Пышность
дня сего равна была великолѣбію дня мо-
его прибытія: я получилъ тѣ же почести;
я не могъ получить вѣщихъ. Имена
не могла со мною говорить, но я читалъ
въ отцѣ ея, что они ей льстили, что она
ихъ себѣ присвоивала: любовь дѣлаетъ все
общей между лкбонниками.

По совершеніи жертвоприношенія, мы
сѣли на корабль. Мореплаваніе было бл-
го-

гослужно. Корабль нашъ усмотренъ былъ издаече; берегъ былъ покрытъ множествомъ народа. Имена была удивлены и радость всѣхъ ее увидѣвшихъ. Я представилъ моихъ гостеприимцовъ ему, рассказалъ ему съ чувствительнѣйшимъ видомъ, какимъ образомъ былъ ими угощенъ. Темисей возблагодарилъ ихъ въ словахъ снѣдь исполненныхъ чувствительностью, что они думали было онъ дѣлалъ для нихъ больше нежели они для меня дѣлали. Діанфія осыпала ласканіями Имену, она не могла перестать хвалить и цѣловатьъ его: я былъ къ тому ренливъ; но цѣлуя ее самъ, казалось мнѣ, что она была только хранительница поцѣлуевъ Именевыхъ, и что я ихъ всѣ собралъ съ собою.

Между тѣмъ какъ принималъ я поздравленія о моемъ возвращеніи, снѣдь мои показывалъ Сосоену свои домъ и садъ, и другіе были его расположенія. Не было въ немъ сихъ поразительныхъ красотъ, коимъ столько удивляются въ сихъ великолѣпныхъ зданіяхъ, гдѣ славны столкбизы Греки разныя, а нынѣ превосходятъ великолѣпіе царей Азіатскихъ. Все въ немъ было просто безъ небрежности, чисто безъ пышности, полезно безъ издѣянія; вкусъ и премудрость хозяинова

Былъ трагедіа недостатковъ украшеній. Соб-
ножесенъ пріобысшей у себя къ великому и
влекъ удному, смотря на сіе воздохнулъ. О
пре Тимисеи, вскричалъ онъ, сколько мнѣ
у мѣстою сѣ кривизнъ, чтобъ здѣлать домъ ме-
нѣ пріятной нежели пшвы! Блаженны лю-
ди, которые инаго не любятъ и иному
не слѣдуютъ, кромѣ одной природы.

Сіе размышленіе родило другія, кон-
бу дили ихъ нечувствительно до часа ужи-
на. Сѣли за столъ; я не скажу ничего
о пированіи. Строгость нравовъ Тимисе-
евыхъ изгнала изъ онаго все излишество:
однако не исключила ни нѣжности бѣствъ ни
чистоты приборовъ. Премудрой и скупъ
ни разсѣянъ; другъ порядка, онъ
устройство по нему все дѣлалъ свое. На-
конецъ ссѣли мы старались ни упусти-
ничего, что требуетъ дружеского и госпе-
пріимчиво, но мы имѣли удовольствіе
видѣть гостей чувствительными и благо-
дарными.

Разговоръ былъ пріятенъ и веселъ.
Такъ всегда бесѣдуютъ опличные дош-
иноствами своими люди, которые другъ
друга почитаютъ, и которые начинаютъ
взаимно себя любить. Мы взирали съ
удовольствіемъ, Имена и я, на союзъ
раждающейся между нашими родителями,
которой льстило и нашему. Обманчивая
надежда,

надежда, фортуна вела насъ путемъ усобицъ и
жаннымъ цвѣтами къ ужасной прѣпастной
изъ коей вся сила любви едва могла изсѣла
изторгнуть.

Около претей стражи ночи, родившейся
ли наши и всѣ прибывшіе изъ Авликомасиса
пошли во храмъ Юпитеровъ; я за ними
не слѣдовалъ, посольство мое онъ поглотило
меня освобождало. Что принадлежитъ
до Имены, она спала, потому что блаженство
гопристойность не позволяешь дѣвицамъ
казаться ночью въ народъ. Случай былъ
благопріятенъ; я имъ воспользовался;
зналъ, что любовь, доставляющая оной
не хочетъ, чтобъ его упустили. Я вхожу
въ покой ея; она пробуждается и выпускаетъ
крикъ. Не дѣлай шума, говорю
я ей тихимъ голосомъ, это я. Ты это
пресѣкла она съ удивленіемъ, а гдѣ жъ
Сосенъ и Панфѣя? Они пошли приносить
жертву повелителю боговъ; но мы, пресѣ
красная Имена, не принесемъ ли оной
любви? Да продолжалъ я, посвятившись
ему всѣ. Поцѣлуй не допустилъ ея мнѣ
отвѣтствовать. Сколь онъ былъ стра
стенъ, сколь сладостенъ! Сколько повто
ренъ былъ разъ. Любовь! коль персона
жачки даровъ твоихъ роскошительны.
Пріятности ихъ услаждаютъ. Перемена
ихъ возобновляетъ.

Мы

Мы были одни, я былъ молодъ, лю-
билъ, имѣлъ желанія; Имена чувств ова-
на опасность оныхъ. Она хочетъ вы-
рваться изъ рукъ моихъ; она видитъ, что
сердце и ея силы ей измѣняются, она
испытываетъ, выпускаетъ глубокія возды-
манія, обливается слезами, прибѣгаетъ къ
помощи. Чего она мнѣ ни наказала для
успокоенія жару моего? Боги! сколь она
казалась прелестна пренимая щастію
моему! Самыя ея сопротивленія дѣлали
ея еще пріятнѣе. Чего не можешь снѣ-
жная и добродѣтельная любовница надѣ-
лать своимъ любовникомъ. Я удерживаюсь.
Невольники ушѣвъ своихъ! Вы меня по-
ражаете; но я не ищу хвалы вашей.

Имена, не столь утѣсняемая, гово-
ритъ мнѣ: дражайшій Именасъ, теперь-
то знаю я, сколь ты меня любишь. Даръ
сердца моего будемъ цѣною власи, ко-
торую ты мнѣ далъ надъ своимъ: цар-
ствуй надъ сердцемъ симъ, царствуй въ
немъ одинъ, утверждаясь на непоколеби-
мой моей вѣрности. Боги не дали родиться
столь страшному и столь чистому пла-
мени, чтобъ здѣлать его несчастнымъ:
они увѣщаютъ свои благодѣянія, соеди-
няя насъ вѣчными сими цѣпями, кои они
одни составить силыны. Возпросимъ ихъ
ускорить время оныхъ. Неперпѣливость

моя облегчитъ твою. Поди, прими
семь поцѣлуѣ залогъ обѣщанія моего. Увѣдѣ
продолжала она печальнымъ видомъ, ^{сидѣла}
можетъ будетъ послѣдней, которой ^{ты}
получишь отъ твоей Имены. Раздѣляя ^{тамъ}
насъ навсегда. Темисей не зная о ^{его}
нашихъ или не благоволя на нихъ, ^{когда}
жепѣ быть въ сію минуку, избралъ ^{тебѣ}
бѣ невѣсту предснѣе и совершеннѣе ^{буд}
ня. Свирѣпой, ты согласишься, но чини ^{люб}
говору? Какъ ты можешь ошрещися? ^{сви}
не ставлю сего тебѣ въ преснупаніе: ^{въ}
ви благополучно, забудь меня. Я не ^{хотѣ}
чу, чтобъ воспоминаніе нещасливой ^{блос}
до забавы твоей: да можетъ любовь ^{а у}
обрѣтать ихъ для тебя всегда новыя! Пр ^{ув}
снѣи, дражайшій Именѣасъ; выдь отъ ^{оп}
ня, день наступаетъ: могути насъ ^{мо}
стать. Прости упражненная о тебѣ ^{но}
снѣдаемая горестію своею, вѣрная ^п
вамъ своимъ, я снѣну провождать ^п
вные останки увядающей молодости ^я
влезакъ и сокрушеніяхъ. Но печеніе ^Е
не долго продолжится. Если жъ я ^а
какую нибудь силу надъ тобою, не ^л
о утратѣ твоей; она зло для однихъ ^а
сплинныхъ любовниковъ.

Нѣтъ, сказала я ей, нѣтъ прекрасная
Имена, не разлучайъ меня съ тобою. Ощещ
мой меня любить, счастье мое ему драго
цѣнно;

вѣрно, вмѣстѣ того, чтобъ меня прину-
удить онъ не забудеть ничего, чтобъ убѣ-
дѣть твоего даровать тебя моимъ жела-
ніямъ. Темисеей знатной природы; бо-
гатѣе, имѣетъ добродѣтели; свойство
его не можешь быть презрительно: но на-
конецъ еслии Сосеевъ не найдетъ меня
тебя достойнымъ, еслии моя надежда
будетъ обмануша. Свидѣтельствуюсь сею
любовію, которую ты въ меня вселила,
свидѣтельствуюсь сими прелестями, кои
я обожаю, что Именѣасъ не будетъ ни-
когда ни къ кому пылать, кромѣ возлю-
бленной своей Имены. Ты хочешь, чтобъ
я увѣрялся изъ твоимъ сердцу. Что жъ не
увѣряешься ты на моемъ? Твоя вѣрность
отвѣтствуетъ тебѣ за мою; я бы любилъ
тебя хотя бы ты и невѣрна была. Конеч-
но, еслии бѣ Юпитеръ оставилъ меня
и велителемъ судьбы своей, еслии бѣ онъ
позволилъ мнѣ избирать изъ всехъ богинь,
я предпочелъ бы имъ Имену. Еслии бѣ
Венера сама предлагала мнѣ безсмертіе, я
лучше бы любилъ умереть съ Именою, не-
жели быль безсмертнымъ съ Венерою.

Приспѣло уже время намъ разсѣяться.
Едва лишь я успѣлъ выйти изъ ея ком-
наты, какъ возвратились изъ храма. Я
пошелъ лечь спать. Никакой сонъ не могъ
быль столь покоенъ какъ мой. Да не ска-

зываютъ мнѣ что видятъ въ снахъ сплывыя или несчастливыя предзнаменованія добра и зла, хотящаго съ нами случиться. Я видѣлъ все пріятное.

Надеженъ въ сердцѣ Имениномъ слава, кое спокойство блистало на лицѣ моемъ. Кракисесенъ шѣмъ шумѣлъ; я вытѣлъ изъ заблужденія. Но веселіе мое скорѣе миновалось. Сосенъ, обращаясь къ моему въ присутствіи насъ всѣхъ, говорилъ ему тако: это не намъ, но Юпану, коему относятся въ почести, коимъ мы воздаемъ, вина твоя въ благодареній, онъ будетъ вина и награжденія твою; посѣвшимъ возблагодаримъ ему твоимъ жертвоприношеніемъ. Важныя дѣла отзываютъ меня въ Авликомъ: дщерь моя не знаетъ, что оное единственно до насъ касается; обнадеженъ въ ея послушаніи, я помолвилъ ея, не сказывая ей о томъ. Молодой человекъ, коего я ей опредѣляю пріятенъ; имѣетъ нравы, природу, разумъ, онъ ко мнѣ привязанъ, я даю себѣ болѣе сына нежели зятя. Онъ убѣждаетъ меня сдержанъ ему слово; я спѣшу его исполнить. Угодно ли вамъ, чтобы ничего не доставало къ ихъ благополучію? Почините кракъ ихъ вашимъ присутствованіемъ; и пы прелестной Именіасъ, приди украсишь торжество его.

Что

Что сталъ я при словахъ сихъ? Смер-
тельной хладъ разсыпался по всѣмъ моимъ
чувствамъ: не знаю примѣчено ли было мое
изумленіе, знаю только, что оно было не-
изповѣдимо; Имена, сраженная симъ не-
ожиданнымъ ударомъ, закрывъ глаза свои
руками, пришиворила жестокою головную
болѣзнь: ея уносятъ, кладутъ въ постѣлю.
Нифія встревоженная болѣзнію своей до-
чери, которая ежеминутно усугубляеши,
остаеши при ней, и едва еоставляеши ея
и то съ великимъ сожалѣніемъ, что въ
итии въ храмъ. Между тѣмъ какъ шу-
жа собираются, я укрываюсь, меня кли-
чуть, я не отвѣчаю, и не разсуждая, ка-
кой подвергаюсь итѣмъ опасности, я про-
крадываюсь въ комнату Именину.

Другъ друга тѣсно обнявши, степя
омываясь слезами, воздыханія наши были
долгое время одни наши изъясненія. Ка-
кое стѣненіе сердца! какое состояніе!
Любовь ты зрѣла чрезвычайность скорбей
нашихъ; сии тебя пронули. Ты могла
ихъ окончить: но ты хотѣла насъ иску-
сить.

Какъ бы что дорого ни было, никогда
оно не бываетъ драгоценнѣе какъ въ то
время, когда его теряеши. Я то воз-
тествовала въ сію минушу. Прелести
Именны блистали новымъ сіяніемъ: я

не видывалъ ся еще никогда столь красною. Я не любилъ ея еще никогда столь ослѣпленно. Ея молчаніе, ея чаша, смутные и томные ея взоры усугубляло мою любовь и мое опечаленіе.

Увы! говорилъ я ей, предчувствія были весьма справедливы: насъ разлучаютъ Имена; ты боялась меня лишиться; но себя лишаясь. Другой станешь владѣть имъ сердцемъ, которое должно было одному мнѣ. Онъ станешь имъ владѣть, и ты будешь дѣлать счастье другого. Имена, можешь ли ты на то соизволишь? Я самъ могу ли не умеря о томъ вздумать? И ты не вѣришь этому. День, которой ознаменитъ плачевной бракъ сей, будетъ послѣдней въ жизни моей. Какъ! покидаю у тебя твою любезную, а ты плачешь слабой Именѣ! Ты не имѣешь другого прибѣжища кромѣ своихъ слезъ? Пусть по крайней мѣрѣ смерть соперника твоего предваритъ твою; пусть у самаго престола мирты его превращаясь въ кипарисъ. Раздраженная любовь, есть свирѣпѣйшая изъ боговъ. Ярость моя не пощадитъ ничего: трепещи, Сосенъ. . . . Онъ мнѣ опецъ, возопила Имена; его лице должно быть для тебя священно: не обвиняй его злодѣяніями нашими; онъ въ нихъ не виновенъ, онъ не знаетъ, что

ты меня любишь. Онъ не знаетъ, что я
тебя люблю, перервалъ я съ восхищеніемъ!
Ахъ! Развѣ онъ не знаетъ, что я тебя ви-
дѣлъ и что у меня есть сердце.

По минутномъ молчаніи, Исмена гово-
ритъ мнѣ: напасти отдаленныя смущаютъ
разумъ, но напасти предстоящія его во-
сѣмъ уничтожаютъ; не шокмо не могу я
заклинать тебя пользоваться своимъ раз-
сужденіемъ, я не могу упребить и сво-
его: я такъ какъ ты чувствую всю ужасъ
опредѣленія нашего; смотри, естли сред-
ство спасенія себя отъ опасности намъ угро-
жающаго: я предаюсь всему что любовь
твоя внушитъ тебѣ: я предаюсь тебѣ во-
всемъ. Сіе усиленіе спрасси, ей весьма
много стоило: цвѣты лицъ ея разсыпаются,
глазѣ затворяются; она теряетъ дыханіе;
сіе ея состояніе отягчаетъ меня страхомъ
и горестію; я почитаю ея мертвою; хочу
умереть самъ. Любовь остановила выле-
тающую ея дѣшу: она возвратила ей
жизнь. Я хотѣлъ было изъяснить мою ра-
дость и мое благодареніе. Исмена про-
должала: почто трапишь неоцѣненное вре-
мя: подумай, что всякая минута дорога
намъ; употребимъ ихъ въ пользу. Прости;
разстанемся теперь на часъ, чтобъ намъ
послѣ никогда не разлучаться.

Наполненъ мыежцами предпрѣятій, къ
 всѣмъ казались мнѣ не трудны, но конъ бы
 легки въ одномъ моемъ воображеніи,
 иду во храмъ. Жертвопримощеніе началось
 Уже кровь закланныхъ жертвъ лилась
 въ сосуды, на то прѣуготовленные. Уже
 священный жрецъ, усматривая во внутрен-
 ностяхъ ихъ щастливое предзнаменованіе
 принуждаемъ Сососна исполнить благо-
 пріятное богамъ сочетаніе. Вдругъ вели-
 кой орелъ опускался быстрымъ пареніемъ
 на дымящіяся внутренности, ихъ раз-
 терзываетъ, разметаетъ и похищаетъ
 остатокъ въ ногтяхъ своихъ. Священной
 ножъ падаетъ изъ рукъ жрецовыхъ; онъ
 бѣжитъ далече отъ олтаря: внезапной
 страхъ объемлетъ умы всѣхъ предсто-
 ящихъ; трепетъ является на лицѣ самыхъ
 отважнѣйшихъ: не слышно ничего кромѣ
 шептанія и вопля; каждой ожидаетъ на
 себя несчастій, предвозвѣщенныхъ симъ чу-
 домъ. Бѣды предстоитъ одной только
 мнѣ, вопіетъ Панфіла. Безсмертные боги
 осуждаютъ бракъ, въ коемъ я положи-
 ла всю свою надежду. О дщерь моя! о
 злоглаголая Номена! Какая напасть тебя
 ожидаетъ! Это не внутренности жертвы
 разтерзалъ орелъ, онъ разтерзалъ мою
 внутреннюю. Защитникъ невинности, ты
 промываетъ сердца наши; какое престу-
 пленіе

пленіе мы сотворили? Умѣгчись нашими слезами; укроти ярость свою, или излей ее на одну меня; пусть дастъ ей вторичную жизнь смерть моя. Говоря сіе она терзаетъ на себѣ волосы, бьетъ себя въ грудь, кашаеся по землѣ: ея окружающіе, подѣмлютъ, стараются ея утѣшать; но она ничего слышать не хочетъ.

Между тѣмъ все ободряются. Сіе произшествіе, сперва столь страшное, не имѣетъ больше ничего ужаснаго. Это одно дѣйствіе случая, ничего несявляющей знакъ; можетъ быть, еще это и щастливое предвѣщаніе. Таково есть непостоянство множества: предметъ ихъ ужаса, чрезъ минутоу дѣлается предметомъ ихъ надежды.

Все разходясь изъ храма, мы проводили Сосену и Панфию. Онѣ не меньше были объяты печалію: но горесть его сокрыта была наружно; однимъ только женамъ и любовникамъ рыданъ позволено. Мы нашли Имену упомогающую въ слезахъ: невольница пересказала ей все приключеніе. Сокрушеніе матери ея протало ея больше нежели знаменіе: опредѣленная мнѣ слѣдовать, она утверждала побѣгу ея. Въ смущеніи, въ коемъ мы находились, она нашла время спросить меня, что я дѣлалъ; я отвѣчалъ ей, что я

уже учредилъ все съ Кратисоеномъ и чѣ-
вскоу Б Я не могъ довершить : отецъ
ся кинувъ ея , я пожалъ у ней руку
читалъ въ глазахъ ея , что она укоряетъ
меня медленностію . Поди , любезная
дщерь , помоги мнѣ успокоить мать твою .
Она лепитъ за нимъ къ ней , обнимаетъ
ея , опираетъ ея слезы , заключаетъ самыя
ми прогакшими и нѣжнѣйшими причи-
нами , не вдаваясь ошачченію своему .
Нѣтъ , говоритъ она ей , боги для насъ
несправды . Они справедливы : если бы они
осуждаютъ предпріятное вами бракосочета-
ніе , осудимъ его и сами ; вы можете сы-
скать другое , которое и имъ угодно бу-
детъ : спросимъ ихъ еще ; я готова вамъ
повиноваться , щастіе мое мнѣ столь
дорого , сколько оно вамъ пріятно .
Мы удивляемся мудрости словъ сихъ , со-
единяемся съ нею . Панфіа насъ внемлетъ
и попускаетъ себя уговорить . Препро-
вожденная въ покой ея для возпріятія
отдохновенія , я затворяю съ Кратисо-
еномъ . Вдучи свидѣтель или слышатель
всего , что происходило между Именою и
мною , я бы могъ избавить его отъ по-
вѣствованія сего : но упражненные сами-
жи собою любовники хоятъ всегда го-
ворить о томъ , что лѣпитъ имъ . Я вос-
поминаю ему рожденіе и успѣхи спра-
сти

и тѣхъ, первые наши страхи и наши
первыя увеселенія, возвращеніе наше въ
Еврикѣ, усердіе Темисеево, ласканія
Дианфтины; лестныя мысли, кои обѣихъ
насъ обольщали; тайныя наши разговоры,
обѣщанія, клятвы; стремленіе моихъ же-
ланій, удержанное ея цѣломудріемъ, такъ
какъ и ея супротивленіемъ; неожиданная
рѣчь Сосеенова, бракосочетаніе его дочери,
наше смущеніе, наше опечаленіе, предпрі-
ятія наши о бѣгствѣ, чудо явившееся въ
храмѣ Юпитеровомъ, ужасъ нашъ и уди-
вленіе. Наконецъ, говорю я ему: ты
видишь двухъ несчастныхъ любовниковъ,
кидающихся въ пловъ обѣянтія; вспоможе-
ствуй намъ твоими совѣтами и твоею по-
мощію: мы имѣемъ болѣе смѣлости неже-
ли искусства, больше любви нежели раз-
ума; мы убѣгаемъ бездны, и безъ тебя мы
ввергнемся въ другую. Вспревоженъ, воз-
мущенъ, восстаюшъ въ сердцѣ моемъ мрат-
ныя предчувствованія, которыя меня пре-
пятствъ заставляютъ: разлучатъ меня съ
Именой, я ея потеряю. О, дражайшей
мой Краписеенъ, улади горестъ лютаго
состоянія моего.

Чувствительнъ къ скорби моей, онъ
меня утѣшаетъ, ободряетъ. Это не тебѣ,
говоритъ онъ, мнѣ угрожаетъ устрашившее
васъ чудо, это твоего соперника: онъ не
будетъ

будетъ владѣть Именою, боги изторг-
нутъ ея изъ рукъ его; ты со временемъ со-
прижешься съ нею подъ щасливѣйшими
предзнаменованіями: любовь и время оправ-
дантъ мое предѣшаніе. Любовь и время
возопилъ я! ахъ! подумай, что она запер-
ѣла? Ну, такъ употреби снѣданіе Темы
своею, присовокупилъ онъ. Говори самъ
Сосену. Онъ далъ свое слово, перервалъ
я, онъ не можетъ измѣнить ему не обез-
славя себя навѣки. Однако, продолжай
онъ, я не могу похвалить бѣгства твоего
оно бѣдственно и неосторожно. Эхъ
перервалъ я еще, сколь бы страшны ны
были его слѣдствія; все можно ли ихъ
сравнять съ теперешнимъ нашимъ состоя-
ніемъ? Злощастная Имена! оугубо зло-
щастнѣйшія Именѣасъ! Все насъ оспа-
вляетъ, что мы будемъ? Крамеевъ пре-
бываетъ недвижимъ, ничего мнѣ не от-
вѣтствуя: разсужденіе и соболѣзнованіе
сражаются въ его сердцѣ; я чую въ очахъ
его, что оно жестоко волнуется. Я его
обнимаю, онъ умягчается: я его убѣждаю,
онъ воздыхаетъ: усугубляю свои моленія,
онъ больше не противится. Ты и едо-
лѣваешь, говоритъ онъ мнѣ; надобно ока-
зать тебѣ свѣршную услугу, коей ты онъ
меня требуешь: да благоволишь милость
Боговъ, не навеситъ на меня за то нака-
заній.

иѣя. Ты сей вечеръ отправишься съ Исте-
ною; есть въ нашемъ пристанищѣ одинъ
корабль, отплывающей въ Сирію. Я пой-
ду уговорюсь съ хозяиномъ; впрочемъ
я имѣю у себя гостя страны той, у ко-
его мы найдемъ безопасное убѣжище.
Какъ, опивчаль я ему въ себя, и ты
ѣдешь съ нами? Кратисогенъ ѣдетъ съ
нами? Боги! вы совершаете ваши благодѣя-
нія. Любовь и дружба совокпляются,
здѣлашь меня щастливѣйшимъ изъ всѣхъ
смертныхъ.

Необходимо было для заключенія праз-
дника принести еще жертву въ храмъ
Апполлоновомъ. Мнѣ хотѣлось отъ того
освободиться, и пользуясь сѣмъ временемъ
увѣдомить Имену о нѣш хъ распоряже-
ніяхъ: но Дізарія усмотря меня вѣлѣла
мнѣ дать руку Панфти въ смущеніи, въ
которомъ я находился, едва могъ я гово-
рить: казалось, что всѣ слова мои измѣ-
няли мою тайну. Во время отправленія
дѣйствія, я погруженъ былъ въ глубочай-
шей задумчивости: сіе приняи за благо-
говѣіе, за почтеніе къ закону; мнѣ уди-
вляясь, представляли меня въ прѣмѣрь.
Сколь худо люди проникающъ въ сердца че-
ловѣковъ! То самое, что привлекало ува-
женіе ихъ, раздражало провидѣщихъ боговъ.

Но совершении жерпвоприношенія разошлись. Ночь мнѣ споспосиовала; ни когда не покрывалась она сколько мрачными покровомъ. Всѣ были объяты симъ порывымъ сномъ, который есть самое совершеннѣйшее подобіе смерти. Я вхожу въ покой Исменинъ. Наконецъ, говорю я ей: напасши наши преходящъ: вскорѣ самъ себѣ повелители, не будемъ мы спрашивать я мучительства родителей нашихъ. Кратисеонъ учреждаетъ все къ нашему управленію; онъ потчасъ возвращающа. Вместо отвѣщиванія она выдыхаетъ. Всѣ сльдствія предпріятія ея предствляются ея воображенію: она ихъ ужасаетъ ея. Поѣдетъ ли она одна со мною, ища убѣжища среди варваровъ, покрывъ себя вѣчнымъ поношеніемъ? Она зрѣтъ яроснь Соенову, и опчаянтіе Пандино. Она дѣлаетъ себѣ напередъ всѣ укоризны, кои заслуживаетъ бѣгство столь дерзновенное и столь безславное. Самъ ты дражайшій Исменасъ, самъ ты, говоритъ она, какой меня нынѣ убѣждаетъ, будешь порывѣ тѣмъ порицать меня. Я свидѣтельствуюсь небомъ, ручаюсь богами въ немъ обитакщими, что еслили бѣ добродѣтель, безъ которой самая нѣжнѣйшая любовь есть преступленіе, тому не супротивлялась, не было бѣ больше для меня щастія, какъ тебѣ

я себя любить и быть тобой любимымъ ;
но сія строгая добродѣтель , сія добродѣтель всемогущая надѣ сердцемъ моимъ , повелѣваетъ по иначе : покоримся ей : и еслили она намъ умереть не запрещаетъ , умремъ лучше сохраняя ся .

Я надѣялся , что ласки мои разсѣплютъ сумніи ея ; ласки мои были бесполезны . Я воспоминаю ей ея клятвы ; она воспоминаетъ ихъ сама , но для того , чтобъ въ нихъ разскаяться , чтобъ ими возгущаться : я прибѣгаю къ слезамъ , къ моленіямъ ; они служили только здѣлать ея еще непоколебимѣе .

Крѣпн онъ прибываетъ , и находитъ насъ въ семъ колебаніи : онъ присоединяетъ свои усилія къ моимъ . Имена пронуша , но неубѣждена . Не устрашаетъ ея опасность ; но останавливаетъ должность . Ночь углубляется , часъ проходитъ ; я перемѣняю отъ одного къ другому , я прошу , угрожаю , но ничего не приобретаю . Винюсь передъ любовью . Въ безпорядкѣ , въ комъ я былъ , покушался я употребить насилие . Я размышляю , что она возопіетъ , и что насъ услышатъ : еще побудительнѣйшая причина меня удерживаетъ ; я боюсь раздражить ея . Наконецъ по упорномъ сопротивленіи , и когда уже мы ошмянулись склонить ея , свѣдываетъ , она , что

что и Кратисеиъ будетъ намъ спутешествованъ. Любовь ждала сей минуты для поблженія. Она подаетъ мнѣ руку; мы выходимъ никѣмъ невидимы; достигаемъ пристанища; садимся на караванъ Юпитеръ, рекли мы единогласно, покровительствуй двумъ странствующимъ любовникамъ, коихъ яроснь судьбины илучше твоей оракулъ гонитъ ихъ изъ отечества. А ны Нептунъ поведи волнамъ, чтобъ они насъ почтили.

Подымаютъ парусы: время было тихо, море не волновалось; казалось, что мы неслись на крыльяхъ зефировъ. Я былъ столь пронзенъ любовію, столь восхищенъ веселіемъ, что забывъ всѣ прошедшія свои скорби, почиталъ щастіе свое избавленнымъ отъ всякихъ смущеній. Лежа у ногъ Имениныхъ, и приклоня голову къ ея колѣнямъ, я предался самымъ сладостнѣйшимъ восхищеніямъ; изступленіе мое было мнѣ вмѣсто сна. Сколько ночь сія имѣла прелестей! Сколько щемноста ея потеряла и скрыла невинныхъ пріятствій.

Такимъ образомъ протекали два дни. Какъ Имена была находима всѣми прекрасною! какъ она раждала желанія! и какъ я возуждалъ во всехъ ревность! Между нами была славной жилосьей, вѣдущей

Блудней ко двору Царя Персидскаго, чтобъ
прославишь въ немъ красоту Греческихъ,
онъ просилъ у Исмены дозволенія ея спи-
сать. Быстроша работы, не отяяла ни-
чего отъ совершенства произведенія. Это
самая Исмена; она дышетъ, пріятству-
етъ, плачетъ. Предметъ желаній всея
Азіи, она торжествовать будетъ надъ
нею. Какая дѣшная мысль для любо-
вника! Я зрю славу ея? Я ея раздѣляю
съ нею: вскорѣ по противоположному совѣмъ
движенію слава сія меня оскорбляетъ, я
не могу снести, чтобъ изображеніе ея до-
стиглось въ руки варваровъ; они его не-
дошны, все, что уподобляется Именѣ,
не должно принадлежать никому кромѣ
Исменаса. Живописецъ примѣтилъ мое
смущеніе: онъ прежде примѣтилъ любовь
мою; пламя наше не было ужъ сокровен-
но. Я знаю, сказалъ онъ мнѣ, всѣ нѣж-
ности любовниковъ, я самъ любилъ; вотъ
изображеніе Имениныно; владѣй имъ о-
динъ, я себя онымъ дарю.

Уже мапроеы, увидя землю, наполня-
ли воздухъ радостнымъ восклицаніемъ,
уже Краписогнъ указывалъ намъ храмъ
Юнониѣ, владычествующей надъ всѣми
зданіями гѣрода, въ которой мы должны
были пристать. Здѣсь-то, говорилъ онъ
намъ, богиня, хранительница клянуъ на-
шихъ

шихъ гекорѣ соединишь васъ вѣчными узами. Боги Олимпа, боги моря, продадутъ одну минушу виши благодаренія. Увы! вы меня не внемлете.

Небо помрачается, вѣтры раздуваются; ужасная гроза подымается, она гремитъ и блещетъ; воздухъ воспламеняется; волны ревутъ, мачты сокрушаются; корабли разверзаются; смятеніе и ужасъ овладеютъ умами; мы соединяемся съ волнами, потопимъ себя; искусство дѣлается безполезнымъ; перестаютъ дѣйствовать: одни испускаютъ произительной вопль, другіе ждутъ смерти въ посухомъ молчаніи: тѣ исполненные своимъ оплечаніемъ, кленутъ боговъ; иные падъ ницъ изъумоляютъ.

Исмена была неприступна боязни; любовь занимала все ея сердце, она бросается ко мнѣ въ объятія. Я взираю на смерть безпрепешно, говоритъ она мнѣ, я сея достойна, сколь скоро, сколь сирого ни послѣдуютъ наказаніе, оно будетъ всегда мало въ сравненіи съ моимъ преступленіемъ; я умираю безъ раскаянія: не разсуждай до какой чрезвычайности я люблю себя, что умираю безъ раскаянія; то, что я здѣлала, я бы въ состояніи была здѣлать еще: все я для себя оставила, Исменасъ; я жалю объ одномъ только
себѣ;

и узрѣтебѣ: подражай моему примѣру. Умремѣ безробостно, умремѣ лкбѣ другѣ друга. Естѣли прїятно житѣ сѣ тѣмѣ, кого любилѣ, прїятно сѣ тѣмѣ и умираѣ.

Кормищикѣ лишасѣ всей надежды, собираемѣ всѣхѣ бѣдущихѣ на кораблѣ. Боги, говоритѣ онѣ дрожащимѣ голосомѣ, боги разгнѣваны; погибелѣ наша неизбѣжна: Юпитерѣ вооружилѣ на насѣ всѣ спитѣ, ничто не можетѣ насѣ изторгнуѣ изѣ рукѣ его. Нептунѣ не столь неутомимѣ: возобновимѣ обыкновеніе, которое бывало всегда спасительно: принесемѣ ему за избавленіе всѣхѣ одну жертву: посмотримѣ на кого падетѣ жребїй. Похваляющѣ рѣчь его, сносѣтѣ сѣ стремленіемѣ имена свои вѣ несчастную урну; всѣхѣ дешиѣ кѣ смерти, чтобѣ тѣмѣ избѣгнуѣ ея. Первое имя, которое вынимается изѣ сего спрашнаго сосуда: буду ли я имѣѣ силу не умеревѣ оноѣ выговорить? Первое имя было, имя Исменино.

Оплагченѣ несноснѣйшею печалїю я похищаю ея во внутренность корабля. Вознамѣрѣсь лучше дать себя разтерзать вѣ части, нежели предѣть ея. Спѣхѣ, ждаемѣ св рѣшѣтво. Тѣ, кои вчера не поспѣвали бы за жизнь свою, чтобѣ только ей понравиться, были первыя просить смерти ея. Вопиющѣ явно, что законѣ нарушенѣ:

шенъ : воображаютъ себя, что всякая отпугасмая минута углубляетъ жестокость буевантя. Краписенъ хочетъ за нея горючить; но вмѣсто чшобъ его слушать, грозятъ и его съ нею низвергнуть.

Между шбмъ Имена выбивается изъ рукъ моихъ, я не могу ея удержатъ. Она разбаваетъ полну, и обращаясь къ кормщику, говоритъ ему : права твои не будутъ нарушены. Не бойся никакого сопротивленія съ стороны моей; жизнь Именасова соединена съ моею смертію. Исполняй должность свою. Нептунъ требуетъ своей жертвы, она готова, что медлишь ты принести ея? Сїи были послѣднія слова. Два матроса ея схватили. Что дѣлаете, вы варвары? уже море поглотила корысть свою. Боги! соизволяете ли вы на сїи страшныя жертвоприношенія? А естли вы ими гнушаетесь, для чего не потребите вы нечестивыхъ, погрязавшихъ васъ приношеніемъ оныхъ! Не вы укрощаете бурю! Слассеніе смертныхъ зависать ли отъ беззаконія? А вы чудовища, меня удерживающія, вы справедливо сопротивляетесь грѣшн мой; она бы здѣлала безполезнымъ ужасное ея благодѣаніе. Кормщикъ повелѣваетъ мнѣ молчать; я хочу броситься на него. Наложите на него оковы вскричалъ онъ. При
семъ

всѣмъ словѣ я дѣлаю себѣ оружіе изъ всего, что попадетъ мнѣ въ руки. Фуріи меня воспаменяютъ, змѣи ихъ свистятъ вокругъ меня, ужасъ и пренебреженіе имъ сопутствуютъ. Новая сія напасть является спротивъ минувшей.

Силы мои мнѣ измѣнили; я былъ окруженъ множествомъ. Оппрессіи мое требовало крови; принуждаютъ меня ограничить его однимъ безсильнымъ воплемъ. Чтобъ отъ того избавиться, пристаю къ берегу, высаживаютъ меня на землю. Крашисоенъ! чтобъ не позволяють за мною слѣдовать; естли бѣ что нибудь могло меня утѣшить, то бы утѣшеніе мое было ты.

Горестъ доведенная до крайности дѣлается нечувственнымъ: я краю изумленное молчаніе, пребываю недвижимъ. Плачевное состояніе, стократно свирѣпѣйшее волнованіе! Вскорѣ опечаленіе мое укрѣпляется новыми силами, горы наводняютъ мои ревомъ; онъ повсюду раздается; лавы и шигры ему откликаются; боги его слышатъ, и имъ не пронутся. Мучи сихъ славныхъ преступниковъ, кои безобразно гонимы ихъ правосудіемъ, несравненно сноснѣе нежели мои; я ношу весь адъ въ сердцѣ моемъ. Ахъ! Но чѣмъ я столько виненъ? Я любилъ, я люблю еще; только

но ли моего беззаконія. О Юпитеръ! Давно ли нѣжныя сердца здѣлались предметомъ мщенія твоего? Раздражаешься ли ты когда тебѣ подражаютъ? А ты, богиня морей, снесешь ли, чтобъ Нептунъ вступилъ въ свое владычество тебѣ сопернику? Пользы наши общи; возврати мнѣ Именю. Купидонъ, чѣмъ ты теперь упражняешься? Ревнуя къ красотѣ Имениной, мать твоя удерживаетъ тебя въ Паросѣ. Она предалась тебѣ; ты мнѣ ея обѣщала. Не вѣдаешь ли ты, что ея у насъ похищаютъ. Лети во внутренности жилищъ Нептуновыхъ: требуй возвращенія сплжанія твоего. Но что я дѣлаю. Почему обращаюсь къ богамъ свирѣпымъ и неслышательнымъ? Имена ужь ибѣтъ тебѣ, ужь ибѣтъ: я была причиною гибели твоей. Одна смерть моя можетъ очистить злодѣяніе мое; естли я ея сплагаю, то на то чтобъ продлить бѣдность мою: я бы увидѣлся съ тобой въ Олимпѣ или въ поляхъ Елисейскихъ, но я воини шуда недостойнѣ.

Одинъ Богъ, коего не просилъ я о помощи, сжался надо мною. Другъ смертныхъ, онъ предзаряетъ часто желенія ихъ, чтобъ имъ ошдаваться. Власть его безпредѣльна: онъ торжествуетъ надъ пѣтми, коихъ любовь покорить не могла; онъ царствуетъ

сплываетъ среди ужаснаго смятенія оружія: страшнѣйшій шумъ бунтующихъ бурь его не возмущаетъ. Юпитеръ самъ чинитъ его, и это его благопослѣдствіемъ, что самыя несчастнѣйшіе, не взирая ни на цѣлѣніе ни на судьбу дѣлаются ботами подобными.

Покой, коимъ я наслаждался, былъ умеренно сладостенъ, чтобъ могъ быть прѣдлѣженъ. Вдругъ блестящей свѣтъ меня ослѣпляетъ: Купидонъ раздѣляетъ воздухъ, какъ и мнѣ Имену. Престанъ жаловаться, я тебѣ се возвращаю. Скажи мнѣ еще охъ улетаетъ. Успрема глазъ на Имену, я вижу удовольствіе на ней сморѣть не имѣя силы изобразить онаго: казалось, что она сама пылко услаждалась говорить со мною. Но мы оба ничего не теряли въ семъ невольномъ молчаніи. Наши взоры, наши дыханія, наши восхищенія были шѣмъ живѣе, снрастнѣе, восхищеннѣе. Именасъ, говоривъ она мнѣ наконецъ, я жива и тебя люблю. Какъ! возопилъ я! Это ты Все исчезаетъ, пробудая я нахожусь въ кораблѣ среди Бѣтоскихъ разбойниковъ, у коихъ я невольникомъ. Такъ - то немилосердые боги играютъ въ слабыми смертными. Однако удивляюсь я тишинѣ, царствующей въ моемъ сердцѣ: я печаленъ, но печаль моя спокойна;

и въ самую ту минушу, какъ я долженъ
лишиться всей надежды, я прощавъ всю
свою всего надѣюсь.

Держа весло въ рукахъ, взиралъ я болѣ-
женно на соучастника въ несчастія моего.
Чрезмѣрно безсидень, что въ раздѣляя съ
ними работу ихъ, я былъ однимъ только
зрителемъ. Что жъ сказавъ мнѣ одинъ
варваръ удара я меня, развѣ тебя здѣсь
только сморщивъ поставили? Я нахожу
силы въ своемъ изможденіи; удары еще
перескажутъ. О, Соседи, боги свирѣпо мнѣ
мстятъ за обиду, которую я тебѣ здѣ-
лалъ! О, опче мой! да можетъ быть тебѣ
незвѣдомо безчестное состояніе, въ кото-
рое приведенъ сынъ твой!

Корабль, на которомъ я отбѣжалъ изъ
Еврикома, причаливъ къ берегу для ис-
правленія поврежденій причиненныхъ бу-
рею, продолжалъ путь свой: мы за нимъ
гнались; его настигли; съ нимъ сразились;
сраженіе, продолжавшееся чрезъ два часа,
дѣлаетъ насъ его овладѣтелями. Я знаю,
что мѣсто принадлежитъ однимъ только
богамъ; знаю, что они его себѣ пред-
оставили: но я былъ столько развѣрено на
кормщика, сего людаго творца всѣхъ зло-
ключеній моихъ, что я не могъ видѣть
его невольникомъ, безъ нѣкотораго удо-
вольствія. Безчеловѣчное сіе увеселеніе у-
сну.

ступаетъ скоро мѣсто новымъ горестямъ. Крапивою изъязвленной, умирающей представляется глазамъ моимъ: осматриваю его раны; судяю ихъ смертельными; хощу его ввергнуть въ море. Я вопию, чю это славной Грекъ. Надежда выкупа останавливаетъ смерть его: а боги и мои попеченія жизнь ему возвращаю.

Въ слѣдующей день грабители держали совѣтъ: маленькой городокъ, лежащей близъ берега, былъ жертвою ихъ ярости и корыстолюбія; мужья, жены, даже до младенцовъ, все обращено въ расство: рашиваютъ, жгутъ, убиваютъ. Сей злодасной городъ сталъ одна только груда камня, пожираемая пламенемъ.

Возсѣвши на корабль, раздѣляютъ они корысти: молодые люди употреблены къ греблѣ; жены съ дѣвцами разведены осого; одни для продажн, другія для служенія увеселеніямъ своимъ повелителямъ, старики, или шѣ, коихъ раны ихъ, дѣлали бесполезными погубляются безъ милосердія и вметывающа въ море. Нецастія мои не изпожили еще всѣхъ слѣзъ моихъ; сіе зрѣлище у меня оныя изторгло; они ихъ раздражили, и я понесъ наказаніе своего сожалѣнія.

До чего не разпространилась чрезмѣрность ихъ роскошей! Я содрагаюсь еще при воспоминаніи ихъ разговоровъ и ихъ
Г дѣй-

дѣйствій. Я, говорилъ Крапивоену: нечестивые сами себя казнятъ за свое нечестіе; пьянство и сонъ предають нашихъ тиранновъ къ намъ въ руки: естли мы имѣемъ смѣлость желать быть вольными, мы и будемъ. Крапивоенъ меня похваляе-
етъ; мы говоримъ о немъ своимъ товарищамъ. Одни, но въ самомъ маломъ числѣ, горятъ съ нами соединиться; другіе почитая всѣ робкія и боязливыя дѣла, предпочитаютъ невольничеству удобному и славному предпріятію. Кто можетъ тому повѣрить? Были между ими снудъ подлые, кои хотѣли открыть симъ варварамъ заговоръ противъ ихъ составляющихъ. Однако они не вѣдали напасти, которой снѣ были подвержены.

Какъ скоро пары вѣтра разсыпались, они помышляють избавиться своею добычею. Поднимають флагъ мира; входятъ въ приспанище Агрикома; дають и принимаютъ залогъ. Вскорѣ составляется обширной торгъ, гдѣ выложены драгоценныя уборы, золотые и серебряные сосуды, и все, что можетъ служить къ нуждамъ или къ сластолюбію человѣческому; другъ у друга, пересулають, похитившіе роскошь не находятъ ничего, чѣмъ было презмѣрно для нея дорого.

Невольники оставлены были на берегу. Сей сластолюбивой народъ цѣнилъ насъ почитая

почти ни во что. Крапивоенъ, который былъ прекраснѣйшей изъ смертныхъ, былъ одинъ, котораго купили. Никто не пороговалъ меня: я оставленъ былъ для новыхъ приключеній.

Аврикомъ славенъ Храмомъ Дианнинымъ. При входѣ сего храма поставленъ золотой истуканъ, изображающей богиню естественно. Глава ея покрыта шлемомъ; одной рукою держишь она щитъ, другою копье; подъ ногами ея протекаетъ въ протокъ усланномъ порфиромъ источникъ, коего волны бываютъ всегда колеблемы. Такъ-то разбойники испытывали молодыхъ дѣвицъ, коихъ они опредѣлили на продажу. Ибжно испытаніе! изъ коего они однако всѣ вышли къ ихъ чести. Покровительница цѣломудрія, ты объявила ихъ непорочными, чтобъ предать ихъ поруганію!

По ибсколюкомъ времени, я былъ самъ свидѣтель сего обряда: вотъ его описаніе. Тѣ, кои дерзали предаться искушенію, увѣчанная лаврами, одѣтые въ бѣлую одежду, входили въ источникъ: невинность ихъ дѣлаетъ ихъ славу и спасеніе. Дианна имъ усмѣхается и просираетъ руку; онѣ выходящъ среди восклицаній; но богиня метнетъ свирѣпой взоръ на виновныхъ. Успрашенные видомъ ужаснаго копья имъ угрожающаго; онѣ погружают-

ея паки въ волны, кои укрываются по
ихъ дрожащими стопами: вѣнокъ съ нихъ
упадаетъ, онѣ становятся предметомъ
стыда и посмѣянія: и иногда онѣ не
скорой помощи, несчастно погибають.

Но возвращеніи съ обѣихъ сторонъ за
договъ, хищники садятся на суда обремененные
сокровищами. Возгордась послѣдними своими успѣхами, помышляють они
о новыхъ предпріятіяхъ. Уже безчестныя
соучастницы ихъ заставъ, пожирають съ
нихъ все мерзостное ихъ богатство. Трепещи
те, несчастные Греки, кои въ нѣдрахъ
домовъ своихъ живете безопасно. Покрови
тельство боговъ хранителей вашихъ
защитить васъ не можетъ; оковы и смерти
васъ ожидаютъ.

Буря пада на тебя, бѣдственной городъ
Силеѣ: избѣдныя вина твои тебя про
славили и причинили твое разрушеніе.
Ты бы могъ спастись предавъ ихъ раз
хищенію: жители твои излишно уповали
на храбрость свою; она имъ ни къ чему
не послужила; они были всѣ избѣжены,
но скорѣ ты опмѣденъ будешь.

Мы видѣли сихъ злодѣевъ сидя на бере
гу празнующихъ посмѣяніемъ беззаконныя
Оргіи. Бакхусъ не возмогъ стерпѣть, что
сѣи несчастные ругались безнаказанно его
служенію и его таинствамъ, онѣ смущають
ихъ разумъ исполняясь яростию, они за
быва

бываютъ, что они братья, хватаются за оружіе, другъ на друга мечутся и падаютъ свирѣпствуя одинъ противъ другаго. Сраженіе Центавровъ не столь было кровопроливно. Толпа Грековъ, Греки сами вступаютъ въ разбойничество. Нечаянно на нихъ нападаютъ и довершаютъ ихъ истребленіе.

При видѣ семъ мы выпускаемъ радостныя восклицанія: разбиваемъ свои цепи; и мня найши избавителей въ убійцахъ нашихъ пиранновъ, бросаемся къ нимъ въ руки. Но мы перемѣнили только невольничество. Тщесно взываемъ мы правъ нашей природы и нашего общаго общества: они насъ не внимаютъ; принуждаютъ насъ войти въ корабль, коимъ они овладѣли, и привозятъ насъ въ Дафнополисъ.

Городъ Дафнополисъ посвященъ Аполлону и Дафнѣ. Любовь его къ сей нимфѣ весьма извѣстна, чтобъ я остановился опасывать сіе приключеніе. Это было во внутренности его храма, гдѣ мы представлены были на продажу. Я бросаюсь на колѣни, и приношу ему сіе моленіе. Сынъ Юпитеровъ! ты зришь мое злключеніе, прониись онымъ. Двухратно уже невольникъ, я угрожаемъ прешнимъ рабствомъ: не потерпи, чтобъ посланникъ отца твоего ашеналъ во узахъ: умягчи сердца новыхъ

моихъ владѣтелей : да вспомнятъ они , что
и они Греки , и что я имъ равенъ . Все-
могущее божество , онъ взора , коего ни-
что ужалиться не можетъ , что спалося
есть Именною ? Ежели парка прервала дни
ея , то не можно , чтобъ кто нибудь изъ
боговъ повелѣлъ смерть ся : ты можешь
исправитъ беззаконіе человѣческое , ты
можешь мнѣ ся возвратитъ . Болѣзни , кои
ты претерпѣлъ отъ любви , должны зѣ-
лать тебя чувствительнымъ къ моимъ .
Часъ быть услышану еще не насталъ . Онъ
рываютъ меня отъ олшаря , чтобъ предать
купишему меня гражданину : онъ назы-
вался Димасъ , а жена его Кризиса .

Любопытство есть участь ея пола .
Не успѣвъ еще я войти , какъ она меня
выпрощаетъ , кто я , откуда и по ка-
кому случаю нахожусь ихъ невольникомъ .
Я потупляю глаза , смиренно прошу ея
пощадить меня отъ болѣзненного повѣ-
ствованія , которое ничего примѣчатель-
наго для нея содержать не можетъ . Ди-
масъ , я не могу его называть своимъ госпо-
диномъ , Димасъ насъ слушалъ : отреченіе
мое ему досаждалъ . Онъ на меня взи-
раетъ грозно . Докладываютъ ему , что
поставлено кушанье : онъ повелѣваетъ мнѣ
слѣдовать за собою : я повинуюсь . И тако
сей Именитасъ , которой за нѣсколько предъ
шлымъ мѣсяцовъ , посланникъ Юпитеровъ ,
испол-

исполненной честию и славою, видѣлъ себя первымъ за столомъ Сосеиновымъ. Сей Исменѣсь, угощаемъ и любимъ Именою, смѣшенъ съ подлыми невольниками, находясь въ собственномъ своемъ опечесствѣ, опредѣленной къ самымъ гнуснѣйшимъ должностямъ. Фортуна! такъ ли всегда играешь.

По оконченіи обѣда, онъ высылаетъ другихъ своихъ невольниковъ: я остаюсь одинъ. Я хочу, говоритъ онъ мнѣ, чтобы ты мнѣ разсказалъ свои приключенія: онъ повеселятъ меня, покажѣшь я не засну; берегись паче всего ихъ перервать. Властной сей приказъ далъ мнѣ горестнѣе всего прошедшаго чувствовать всю лютость судьбы моей. Глаза мои наполнились слезами: сердце мое стѣснилось; я не имѣлъ силы и жаловаться. Знай, продолжалъ онъ, что ты мой невольникъ, и повинись: говори, или бойся, чтобы наказаніе достойное твоей грубости не ненаучило тебя должности твоей. Разгнѣванной начальникъ есть весьма строгой учитель. О Димасъ! возопилъ я, да разсудятъ боги между тобою и мною. Я Грекъ: ты не имѣешь надо мною иныхъ правъ, кромѣ данныхъ тебѣ моими нещастіемъ и твоею несправедливостію; хочешь ли ты, ставъ свирѣпѣе, продавшихъ меня варваровъ опиятъ у меня жизнь, которую

порую они мнѣ противъ воли моей оставили? Рази, родясь свободнымъ: я уважаюсь меньше смерти, нежели рабства. Твердость моя поправилась Кризисѣ; она за меня вступилась: Димасъ заснулъ, и я отошелъ съ одними угрозами.

Кризиса была уже не въ цвѣтущей молодости. Смотря на нея удобно было примѣтить, что она была прекрасна; хотя она сама думала, что была оною еще, однако не принуждала другихъ тоже о ней думать: она была тиха, жалостлива. Я получилъ отъ нея знаки милости, кои произвели меня благодарностію, и естъли я не рассказалъ ей всего, что до меня касалось, то сказалъ столько, что она могла быть довольна моею повѣренностію.

Димасъ, которой меня не любилъ, обременилъ меня самыми тяжчайшими работами: безощодоженно упражненъ, я не могъ укрыться ни на одну минуту, чтобъ подумать о моихъ несчастіяхъ. Покрывъ худую одежду, сля на голой землѣ, пишясь самою грубою и отвратительною пищею, казалось я долженъ быть умереть. Боги иначе то опредѣлили: и я еще шутъ испыталъ, что естъли изъ нѣдръ утѣхъ родятся горести, изъ нѣдръ горестей родятся утѣшенія.

Уже минуло сто дней, какъ я былъ въ семъ состояніи. Наступалъ праздникъ Юли-

Юпитероѣ. Какое для меня воспомина-
 ние! онѣ не торжествуются въ Дафнопо-
 лисѣ: но вмѣсто того торжествуютъ
 тамъ празднованіе Дафны, обряды ихъ
 почти одни: вся разность состоитъ въ
 выборѣ пословъ; Дафнопольскіе могутъ
 быть женами! а Еврикомскіе должны
 быть юноши. Димасъ былъ назначенъ въ
 Аршикомъ. Между тѣмъ какъ все при-
 утешивается къ его путешествію, Кри-
 зеиса, не знаю какія въ прочемъ были ея
 намѣренія, смотря на меня, говоритъ ему:
 невольникъ сей, кажется мнѣ, разменъ;
 онъ утѣшёнъ, скромёнъ, но такъ печалёнъ,
 что я тебѣ советую его оставить здѣсь.
 Задумчивой невольникъ всегда худое пред-
 знаменованіе для своего господина; это по
 крайней мерѣ непріятной видѣ, которой ты
 будешь имѣть передъ глазами. Однако
 какъ онъ хвалится, что до селѣ бывалъ по-
 сланникомъ Юпитеровымъ, онъ бы могъ
 быть тебѣ полезенъ. Подумай съ собою,
 Димасъ ошвістываетъ ей: это обыкнове-
 ніе невольниковъ быть ищеславными и
 лжецами, и сей конечно ищетъ тѣмъ воз-
 вознесенія. Правда ли, продолжая онъ
 оборотись ко мнѣ, что ты былъ почтенъ
 священною должностію, которую я те-
 перь имѣю? Братись присовокупить ложь
 къ твоимъ другимъ порокамъ. О Димасъ!
 говорю я ему, да не допускать меня бо-

ти тѣмъ себя удивить. Фортуна могла здѣлать меня несчастнымъ: но она не могла изгнать истины изъ сердца моего. Не суди о людяхъ по вѣнности: добродѣтель не пренебрегаетъ невольническою одеждою. Да, продолжалъ я, я былъ посланникомъ Юпитеровымъ, и я получилъ всѣ почести, кои ты теперь воспримешь. они были источникъ моей бѣдности, да могущъ быть они источникомъ твоего благополучія.

Сти слова его утѣшили. Онъ дѣлалъ мнѣ другіе вопросы, и казался быть доволенъ моими отвѣтами. Я здѣлалъ ему любезенъ потому, что спалъ ему нуженъ.

Кризиса хотѣла ѣхать съ нами: Димасъ тому воспротивился: мы оплыли безъ нея, и я уже больше ея не видалъ. Прибывши въ Арпию, онъ принявъ былъ съ равнымъ усердіемъ, какъ и я Сосратъ имѣлъ. Преимущество, Сосратъ славнѣйшей и богатѣйшей гражданки Арпиюма! Онъ изощрилъ все свое великолѣпіе для новаго своего гостя. Такъ меня принималъ, такъ меня угощалъ Сосратъ. О Димасъ! недоставало только къ твоей славѣ быть служимъ Имѣною! Что говорю я? Имѣна тебѣ служила, она служила тебѣ такъ какъ невольница: но ты того не зналъ.

Родона, дщерь Сосратова, имѣла пышную прелестей, и съ тѣхъ поръ какъ боги

возлжипиан отъ земли Исмену. Она со-
ставляла лучшее ея украшеніе. Сколь ни
блжстательна была красота ея, но свбства
души ея давали забывать о ней. Я на
сея смотрѣлъ, я ея слушалъ съ удивлені-
емъ: но сердце мое не раздѣляло удивле-
нія чувствъ моихъ. Это была Венера:
но не была Исмена. Любовь, ты знала, что
она не выходила ни на минушу изъ памяти
моей, и что я никогда не переставалъ ея
оплакивать.

Увеселенія, кои представляли Дима-
су, оставляли мнѣ нѣкоторое отдохнове-
ніе: я употреблялъ сіе время вдашься мра-
чной печали, меня снѣдающей. Нѣкогда
чая быть одинъ въ саду Соспратовомъ,
я далъ вольное теченіе своему сокрушенію.
Боги! говорилъ я, уже ли вы насытились!
или мщеніе ваше пребудетъ такъ какъ вы
вѣчно? Сколь я несчастливъ! Чувствитель-
ность моя умножается съ моею скорбью.
Сколь я завидую судьбинѣ тѣхъ, кои стра-
ждутъ не надѣясь на окончаніе своихъ
мученій: обманчивая надежда, меня пре-
льщающая, несравненно жесточе самого
ужаснѣйшаго отчаянія.

Родона въ то время прогуливалась въ
окрестныхъ мѣстахъ: она слышала мои
жалобы, была ими пронута, и призвала
меня къ себѣ. Я сохранилъ сей видъ чисто-
сердечія, которой даетъ природа, и ко-
торой

торой не истребляешь несчастіемъ. Я къ ней подхожу, и вопрошаю ея, что она хочетъ отъ услугъ бѣднаго, котораго судьба привела къ несостоянію ей изъяснить оныхъ. Аспрадесъ, говоритъ она мнѣ, такъ называли меня въ невольничествѣ, не трудно видя тебя проникнуть, что ты въ состояніи тебя недостойномъ; и если я не обманываюсь, невольничество есть не самое злѣйшее изъ твоихъ заключеній: не могу ли я уладить оныя? Я предлагаю тебѣ все поможу, если меня зависящія Великодушная Родона, отвѣчаю я ей, это свойство благошворительныхъ сердецъ, умиляться надъ злостраданіемъ бѣдныхъ: сожалѣніе твое обращается на меня для того, что я изъ числа оныхъ. Я знаю всю его цѣну; но я его недостойна: я не могу имъ воспользоваться. Боги, которымъ ты подобна, боги, если они только могутъ чѣмъ нибудь еще одарить тебя, воздадутъ тебѣ за твои добродѣтели: я не дерзаю ихъ о томъ молить: я боюсь, чтобъ мои моленія не были тебѣ бѣдственны. Я не имѣла больше силы удерживать слезъ своихъ; я хотѣла удалиться: я укоряла себя разго оромъ, въ коемъ Исмена не имѣла участія. Родона меня удержала, если бы я имѣла, продолжала она власть боговъ, когда говоришь ты, что я подобна, ты былъ бы свободенъ.

или

или по крайней мерѣ щастливѣ : она закра-
сиблась и потупила глаза свои. Увы!
отвѣтствую я ей, первое мнѣ нечувстви-
тельно, а второе не возможно. Ты имѣ-
ешь, присовокупила она, весьма худое мнѣ-
ніе о моей силѣ? Нѣтъ, прерываю я,
хотя бы ты была божество, но что бы
ты возмогла одна противу всѣхъ? Атра-
цешь, продолжаетъ она, ты думаешь, что
нѣтъ уже средства противъ твоихъ му-
ченій. Это общее заблужденіе всѣхъ не-
щастныхъ: повѣдай мнѣ свои скорби: я
не знаю, не обманываетъ ли меня участіе,
которое я въ нихъ приѣмаю; но я почти
могу тебѣ отвѣтствовать, что они кончат-
ся прежде, нежели ты думаешь, и что
я буду споспѣшествовать окончанію оныхъ.
О Родопа! возопилъ я, влекоу непобѣди-
мымъ притяженіемъ: я не могу ни въ
чемъ отречься предъ тобою. Сіе повѣ-
ствованіе будешь слышать мнѣ рыданія,
можетъ быть жизни; но ты будешь удо-
вольствована.

Родопа, прилагала удивительное вни-
маніе плачевному извѣщанію моихъ при-
ключеній. Сколь ни бездѣрна была кра-
сота ея, но мнѣ казалось, что она равно-
вала красотѣ Имениной. Она смутилась
при видѣ ея изображенія: я его еще со-
хранилъ; она его разсматриваетъ, изумлѣ-
вается и говоритъ мнѣ холодно. Сія

женщина чрезъестественно хороша, ей похв-
стили. Нѣтъ, перервалъ я, не льстили
ей, но уже больше нѣтъ ей. По сихъ
словахъ темной облакъ покрываетъ глаза
мои. Я падаю безчувственъ. Родопи
кличетъ помощи, меня относятъ на по-
спѣлю Димасову, Амрадесъ, говоритъ она
мнѣ, не я ли причинила смерть твою?
Она опирала лице мое, она клала свои
руки на мое сердце, чтобъ оживить его;
слезы текли прошивъ воли изъ очей ея.
Я опамятываюсь; но не возмощи снести
евѣпа, упадаю вторично въ обморокъ. Силь-
нѣйшая рука, нежели Родопина, еще меня
въ чувство приводитъ: я слышу голосъ,
которой меня поражаетъ; я думаю его у-
знать: я обращаю вокругъ себя смутные
свои взоры; я останавливаю ихъ надъ мо-
лодою невольницею, именуемою Сцилла,
которая спарзается помочь обмертвѣвшей
Родопѣ; я нахожу въ ней всѣ черты Исме-
нины, это она, я не могу больше сумѣ-
ваться. Обольщающая мысль, ты про-
должалась одну только минуту! Вскорѣ
я обвиняю глаза свои обманомъ, и сѣ, плѣ-
нившее меня увеселеніе, уже мнѣ кажется
однимъ привидѣніемъ, коимъ неукротимая
ярость боговъ еще меня заблуждаетъ.

Невольницы Родопины опрессли ея. Ди-
масъ пришелъ, я былъ блѣденъ и унылъ;
но сей человекъ, ксого естественная гор-
доснѣ

достъ прѣумножилась еще честнѣю, которую ему воздавали, не унижилъ себя до того, чтобъ кинуть взоръ свой на невольника: онъ ничего не примѣнилъ.

Какъ скоро мнѣ позволено было войти паки въ садъ, я пошелъ пользуясь сею свободою вдаваться размышленіямъ о томъ, что со мною приключилось. Я не хотѣлъ или не смѣлъ изслѣдывать чувствованій Родопиныхъ. То, что не бываетъ предметомъ нашихъ желаній, не подаетъ намъ ни страха ни надежды: я былъ эпою несчастливъ, что не могъ ни перестать быть онымъ, ни быть больше нежели былъ.

Невольница, кою я видѣлъ, предсказывалась непрестанно въ умѣ моемъ: я ставилъ себѣ во зло о ней мыслить, и не мыслилъ ни о чемъ кромѣ ея. Я вопрошалъ у себя, что Силла имѣла общаго съ Именою, и по какому своенравію воображаемое счастье избавляетъ меня отъ подлиннаго несчастія; но я вопрошалъ себя бесполезно. Я не совѣтовалъ съ своимъ разумомъ: я боялся, чтобъ онъ не разсыпалъ заблужденія, кое мнѣ было чрезмѣрно дорого, чтобъ отрешись отъ него добровольно; мнѣ пріятнѣе было совѣтовать съ своимъ сердцемъ. Однако я не былъ доволенъ его движеніями, въ нихъ было нѣкоторое смущеніе и неизвѣстность. Я не зналъ на чемъ я долженствовалъ утвердиться. Наконецъ разумъ

умѣ мой воспріялъ свои права: я стихдился несмысленной своей лехковѣрности. Нѣтъ, говорилъ я, ужъ нѣтъ больше Исмены: безмѣрно упражнясь о ней мыслію, попустилъ я овладѣть собою слабому подобию. Боги не изторгли ея изъ пропастей моря, чтобъ предать ея невольничеству: они бы пренесли ея въ Авликомъ, они бы возвратили ея плѣчу Панейину. Исмена умерла, продолжалъ я: небо не столь щедро на чудеса, чтобъ показать столь великое въ мою пользу; станемъ только оплакивать смерть ея.

Родона не долгое время оставила меня въ невѣденіи, что я умѣлъ ей понравиться. Могъ ли я ожидать отъ любви новаго сего своеправія? Свирепой богъ! Какое бѣдственное пламя возжегъ ты въ ея сердце? Угодно ли тебѣ дѣлать однихъ только нещасливыхъ? Родона, ты любишь невольника! ты любишь неблагодарнаго! Ахъ! ты достойна лучшаго жребія.

Плѣняясь, что природа моя соотвѣствовала достоинству, коимъ я долженъ былъ одному ея предупрежденію: она увѣряетъ себя, что умершая Исмена не можетъ спясть прощавъ красоты ея, прощавъ дара сердца и рукъ ея: она не зрѣтъ болѣе прелестнѣйшаго спраски своей, она меня ищетъ, хочетъ мнѣ по извѣстнѣ. Я ея убѣгалъ не ради того, чтобъ

я подозрѣвалъ ея удобну толикой слабости ; но она была прѣлизна , а самое легчайшее отдаленіе моей горести казалось мнѣ пресупленіемъ .

Она не могла воспротивиться нѣжной своей нешершавости : она ко мнѣ описала . Силѣ было поручено отнести ко мнѣ письмо ея . Именіасъ , говоритъ она , подавая его мнѣ , Родопѣ , госпожа моя , здравія шеѣ желаетъ . Какой звукъ гóлоса ! какой видъ ! О небо ! возопилъ я , возвращающаго ли мертвые къ жизни ? Ты ли это дражайшая Имена ? Но кто жъ бы другая меня узнала ? кто жъ бы произвела такое движеніе въ моемъ сердцѣ ? Какое божество возвращаетъ тебя любви моей . Родопѣ не даетъ ей времени мнѣ отвѣществовать : она насъ усматриваетъ ; она не имѣетъ силы отнять у себя удовольствіе меня видѣть и мнѣ говорить ; она съ прѣлнностію разсуждаетъ сама въ себѣ , что я прочелъ письмо ея , что я знаю о страсти ея , что я раздѣляю восхищенія ея : она подходитъ къ намъ .

Присутствіе ея насъ смущаетъ : мы мгновенно переходимъ отъ радости къ измѣненію : она примѣчаетъ . Наше движеніе , она на насъ смотритъ и сама изумѣвается : ярость блистаетъ въ очахъ ея . Мы трепещемъ . Имена удивительнымъ вымысломъ извлекла насъ изъ замѣшатель-

внательства въ столь нѣжномъ обществѣ спѣвѣ. Безпорядокъ нашъ васъ удивляетъ, говоритъ она ей; но вы быт на насъ сжалились, когда бы знали шого причину. Именѣасъ миѣ братъ. Разлученны другѣ съ другомъ свирѣпостию рока, мы не уювали никогда свидѣться; но, увы! прощайте слезамъ нашимъ; радость свиданія нашего уступаетъ горести нашего невольничества.

Родона укрощается, подозренія ея разсыпаются, она поздравляетъ меня съ столь прелестною сестрою, и не сумнѣваясь, чтобъ надежда вольности не обязала ея служить ей въ разсужденіи меня, она осыпаетъ ея ласканіями. Имена прищипывается и все обѣщаетъ. Разговоръ ихъ продолжался долго: я его не слышалъ. Они отдалились отъ меня на нѣкоторое разстояніе. Я на нихъ взиралъ, сколь они были обѣ прекрасны! да не раздражись тѣмъ Имена. Вѣкъ, кромѣ одного меня, не нашелъ бы между ими разности.

Сколь любовница легко дастъ себя обмануть одною наружностію! Родона думаетъ, что она уже касается своего благополучія: радость умножаетъ ея прелести. Она ищетъ въ глазахъ моихъ какихъ ни сень страстныхъ взоровъ, кои бы обнадѣжили ея побѣду: она ихъ не находить, она хотѣтъ на шо жаловаться. Остатокъ спыда

ся удерживаетъ , наконецъ уходитъ и оставляетъ насъ однихъ.

Прекрасная Имена , сказалъ я тогда : расскажи мнѣ , какимъ чудливымъ происшествіемъ избѣгла ты отъ ярости мря , и какою несправедливостію судьбины ты невольница въ домъ Соспратовомъ. Нѣтъ , отвѣчаетъ она мнѣ : повѣсть моихъ приключеній займетъ время , которое мы должны употребить вкусить сладость нашего соединенія , сладость взаимной любви нашей , и возможность говорить о ней другъ съ другомъ. Мы послѣ помышлять будемъ о средствахъ избавить себя отъ состоянія , въ которое мы ввергнуты. Начни приговарываясь , что ты любишь Родоу , льсти любви , которая можетъ быть намъ полезна : нелюби ея , но дай ей вѣрить , что ты ея любишь. Боги будутъ имѣть попеченіе о прочемъ. Въ истинну , говорю ей усмѣхаясь , ты съ удивительнымъ искусствомъ исправляешь свою должность. Ты можешь , отвѣчаетъ она мнѣ тѣмъ же голосомъ , дѣлать тоже самое для Соспрата , что я дѣлаю для Родоу. Какъ , перервалъ я , Соспратъ тебя любитъ ! сколь я боюсь слѣдствія сей страсти. Господинъ имѣетъ ужасныя права надъ невольницею : ты ему подвластна , я дрожу. Имена , продолжалъ , она важнѣйшимъ лицомъ , не попустишь заразить себя злымъ ядомъ
грызу-

грызущей ревности : я не боюсь Родопы , ты не долженъ бояться Сострата . Могли бы насъ застать , мы разошлись .

Благополучія связаны одни съ другими . Тотъ же день я нашелъ Кратиссена , которой заплатилъ свое искупленіе . Радость наша была равна нашему удивленію : любовь не отняла ничего отъ восхищенія дружества . Мы рассказали другъ другу взаимныя наши нещасія : онъ спросилъ меня , писалъ ли я къ Темиссее ? Нѣтъ , говорю я ему : я лишился Имены : я ни о чемъ иномъ не думалъ , какъ только умереть : я теперь только нашелъ ея . Онъ удивился услыша , что я такъ говорилъ : онъ думалъ , что потеряніе Имены смутило умъ мой : онъ хотѣлъ , сожалѣя о мнѣ , утѣшать меня . Я вывелъ его изъ заблужденія . Нѣтъ , дражайшей мой Кратиссенъ , нѣтъ , говорю я ему : Имена не умерла , но она невольница . Еслили бъ я не боялся тебя задержать , я бъ доставилъ тебѣ удовольствіе ея увидѣть . Поди извѣсти нашихъ родителей , что мы живемъ , но живемъ во узѣхъ . Онъ обѣщалъ мнѣ стараться насъ примирить , и обязать Темиссею и Соссена принять насъ изъавить . Мы другъ съ другомъ разошлись , здѣлавъ самыя нѣжнѣйшія и искреннѣйшія другъ другу увѣренія , и оказавъ воѣ знаки взаимной горячности , которые могутъ другъ

другъ другу подѣтъ два сердца, соединенныя согласіемъ правды и добродѣтелию.

Я не могу больше жить безъ Имены: я искалъ ея вездѣ: я не упускалъ ни одного случая съ нею говорить. Повѣренность Родины, разные упражненія Сосрата, обязаннаго ходить повсюду съ Димасомъ, все облегчало намъ средства другъ друга увидѣть. Между тѣмъ Имена говорила мнѣ, что мы должны вести себя съ большею осторожностію. Я чувствовалъ, что она имѣла причину; но я восхищаеми былъ любовію, она сама не примѣчала, что размышленія ея не препятствовали ей пребывать со мною.

Спокойство сердца дастъ живость разуму. Мы имѣли сіи сладкіе разговоры, какъ одни любовники знаютъ прямую дѣлу. Я ей рассказывалъ все, что происходило между Краписоеномъ и мною. Надежда скорого освобожденія давала намъ забывать наше невольничество: мы считали уже себя вольными: укрощенные боги давали намъ напередъ чувствовать во всей своей непорочности сладость благъ намъ прѣугошляемыхъ.

Иногда мы разговаривали о Родопѣ. Имена пересказывала мнѣ всѣ лесныя рѣчи, кои она ей ошѣ меня говоривала. Мы другъ друга укоряли нашимъ обманомъ и при всемъ томъ выдумывали новые. Есть-

ли я украдывалъ у нея поцалуй, и я крадывалъ ихъ не рѣдко: она меня спрашивала, не вѣлю ли я оппнестп его къ Родопѣ. Да, говорилъ я ей, сжимая ея въ своихъ объятіяхъ; и естли она хочепъ чего нибудь больше, я не могу отказать ни въ чемъ ея посланницѣ. Нѣмѣ, отвѣчала она мнѣ вырываясь у меня. Я не столько еще отвѣ, нея уполномочена.

Я не токмо не прочелъ письма ея, но еще его и не развертывалъ. Имена хотѣла его видѣть: мы нашли его наполненнымъ оспрошою и чувствованіемъ. Въ немъ видна была и спрость, но изображена съ такимъ достоинствомъ, что самой спростайшей наблюдалель благопрпстойкостей, порицая ея, ей бы удивлялся. Я говорилъ Именѣ: Родопз могла бѣ выбрать кого нибудь изъ самыхъ знатнѣйшихъ Грековъ, и здѣлать счастье великому, на кого бы только палъ ея выборъ. Я можетъ одинъ, которой ея лкбптъ не можетъ, и я одинъ, котораго она любитъ.

Она насъ подслушывала. Сколь велика была ея горестъ! Предатели, говорптъ она намъ, боги судятъ о васъ праведно: вы достойны быть только невольниками: Бойтесь справедливаго моего гнѣва, надобно васъ только предать судьбѣ вашей. Не благодарные! я стягну узъ ваши и разлучу васъ на вѣки. Нѣтъ, вы не будете купно

купно наслаждаться свирѣнымъ удовольствіемъ, ругаться моею слабостію. Я не внемлю ничего, кромѣ моего мнѣнія: я хочу, чтобы возможно, здѣлали васъ столько несчастными, сколько вы здѣлали меня презрительною.

Великодушная Родона, говорю я ей, обнимая ея колѣни: мы не спараемся оправдать себя предъ тобою, мы виновны. Любовь причиною нашего преступленія; она одна можетъ изхотѣлаиствозвать намъ прощеніе: ты можешь насъ погубить или спасти. Чѣмъ меньше заслуживаемъ мы помидованіе, тѣмъ достохвалнѣе тебѣ будетъ намъ даровать свое. Боги насъ соединили: совершите начало ихъ, здѣлайте насъ щастливыми.

Родона хранила молчаніе: она смотрѣла безъ всякаго движенія на дѣющіяся наші слезы. Мы ожидали съ трепетомъ опредѣленія, или жизни или смерти нашей: она насъ оставила не произнеся онаго.

Кратисаенъ еще не возвращался. Намъ оставался одинъ только день пребыть въ Аринкомѣ. Еслили бѣ Родона сказала одно только слово Сесирапу, мы бы погибли; но мы послѣ не имѣли усердіе покровительницы. О Родона! да буду я забвенъ отъ Именны, чтобы я позабуду твои къ намъ благодѣанія.

Мы

Мы достигали до предѣла нашего изъ-
бавленія: оно приключилось въ самое по-
время, когда мы наиболѣе быть опдале-
ны отъ него чаяли. Уже оканчивалось
торжественное жертвоприношеніе, дол-
женствующее заключить посольство и по-
чести Димасовы. Онѣ хотѣли отѣхати
и увозилъ меня съ собою: я лишился Ис-
мены. При концѣ чиноучрежденія, слы-
шанъ вопль двухъ огорченныхъ матерей,
требующихъ возвращенія дѣтей своихъ.
Сокрушеніе ихъ пронзало всѣхъ ихъ слыша-
щихъ. Всѣ мянутъ, ропщутъ. Тогда
Сосенъ и Темисей приближаются къ ол-
тарю. Собранный народъ, возгасилъ огни
мой, Состратъ и Димасъ дерзаютъ имѣти
невольниками двухъ гражданъ. Не потер-
пите, чтобъ такъ нарушали преимуще-
ство всей Греціи; а ты, священноначаль-
никъ Аполлоновъ, повели, чтобъ намъ
ихъ возвратили.

Состратъ и Димасъ взываютъ право
войны, которое ихъ поставило нашими
повелителями. Они отрекаются насъ оп-
дать. вспомошествованы своими друзья-
ми, кои къ намъ пристають, они въ со-
стоянтіи исторгнуть насъ изъ святилища,
куда мы прибѣгли. Народъ супротивляетъ-
ся Димасу, сама Родопъ противится оп-
цу своему, Данезя и Паней совокупля-
ютъ съ нею свои усиленія. Звукъ смя-
тен-

пленныхъ голосовъ раздается по всему храму; раздоръ воспламеняетъ умы; несправедливость господишия поржествовашъ. Жрецъ не можетъ укропши мяжежа: онъ помаваетъ рукою, что хочетъ гогорить; на силу его слышно: наконецъ почтеніе превозмогаешъ; всѣ умолкаютъ. Таковы суть наши законы, возглашаетъ онъ, Грекъ не можетъ быть невольникомъ въ отечествѣ своемъ; но есѣли Димасъ и Сокранъ не утвердятся на рѣшеніи мсемъ, великій Апполлонъ, яви имъ высочайшую волю твою. Тогда восходитъ онъ на ужасной престоликъ: разумъ его смущается; глаза его заблуждаются, все тѣло его волнуется, онъ падаетъ на землю; и исполнивъ божественною яростію въ него вдохнувшуюся, онъ произноситъ сей оракулъ, или почтиже еѣ опредѣленіе. Имена и Именіасъ да будутъ свободны, и да возвратятся Сосеену и Темисею. Судьба наша рѣшилась; мы свободны. Димасъ яряся исходитъ изъ храма и возвращается въ Артикомъ. При имени Сосееновомъ Состранъ воспоминаетъ, что отцы ихъ соединены были священными узами гостепріимства: онъ обязательно жалуется намъ, что мы скрыли отъ него нашу природу. Другъ друга познаютъ, обнимаются; поздравляютъ: миръ возстановляется, на

Д

родъ

родъ утѣкаетъ , священноначальникъ по-
сметѣ насъ всѣхъ къ себѣ.

По первыхъ восхищеніяхъ радости , го-
воряшъ о нашихъ приключеніяхъ. Вержо-
вой жрецъ проситъ меня разсказать оныя
шѣмъ , кои находились съ вами за столомъ.
Я не заставилъ себя долго принуждать ;
и воспріявъ състоятельства съ первого
моего отъѣзда изъ Еврикома до самого
того дня , удовольствовалъ совершенно ихъ
любопытство.

Одна Имена могла дополнить то ,
что не доставало къ моему повѣствованію.
Молчаніе наше довольно ей показывало ,
что мы ожидали , чтобъ она начала ; она
чувствовала , что не могла отъ того изба-
виться : но страхъ ея удерживалъ. Со-
сеенъ примѣтилъ ея обращеніе : отцы не
теряяиъ никогда правъ своихъ ; онъ ей
говоритъ съ строгостію : надлежало бы
краснѣться прежде , чтобъ шѣмъ не допу-
стить себя того здѣлать , что ны здѣлала ,
а не стыдиться о томъ разсказывать по-
винуйся. Гѣмъ сія умножила робость ея :
однако не взирая на свое смущеніе , она
начала такимъ образомъ :

Когда я была ввержена въ море , ужасъ
смерти опилъ у меня силу чувствъ мо-
ихъ : я была долгое время играющимъ
волнъ , советѣмъ того не ощущалъ. Какъ я
опамя-

опамтывалась, я нашла себя сидящую на дельфинѣ, коимъ носилъ меня по верьху моря. Я была столь изумленна, что дала ему на волю плыть куда хочетъ, не думая того совсѣмъ, что это, можетъ быть, топъ, коимъ спасъ Аріона. Я почитала его за чудовище, хотящее пожрать меня; однако я крѣпко за него держалась. Крылатой младенецъ прилетѣвъ сѣлъ возлѣ меня; онъ привелъ къ берегу моего избавителя; я его тутъ узнала: это былъ Купидонъ. Не милосердой творецъ скорбей моихъ, говорю я ему, хочешь ли ты подвергнуть меня новымъ заключеніямъ? Не довольно ли я претерпѣла? Для чего не далъ ты мнѣ умереть? Имена, опачтаетъ онъ мнѣ, напасти твои суть дѣйствіе рока: я царствую надъ одними только сердцами; но не содержу судебъ во своей власти: ты увидишь сѣ Именѣасомъ. Онъ улетаетъ, оставя меня на необитаемомъ берегу.

Я пробыла тутъ нѣсколько дней въ ожиданіи смерти, какъ одинъ корабль представляется моему взору. Я возбѣваю рѣки на небо: меня усащиваютъ, приспѣваютъ мнѣ на помощь: я нахожу бѣдствующихъ едва избѣгшихъ бури, кою я претерпѣла. Какое зрѣлище! Не ждите, чтобъ я вамъ его изобразила. Крайность

бѣдности ихъ не воспрепятствовала имъ
быть чувствительнымъ къ моей. Не ток-
мо исправили они безпорядокъ одежды
моей, они раздѣляли со мной нѣкоторыя
остатки снѣдей, кои море у нихъ по-
падало.

Они не имѣли времени отдохнуть : мор-
скіе хищники, или лучше сказать, ди-
кіе звѣри, на нихъ нападали. Какое мо-
гли они представить сопротивление ?
Смерть ихъ сѣдокала близко за ихъ не-
вольничесствомъ. Сіи страшныя Беготы,
коихъ отъ одной мысли я содрогаюсь,
оставили только одну меня. Я привезена
была въ Аршикомъ. Сострашъ видѣлъ
меня увѣчанную лабрами, при исхожде-
ніи изъ попка Діаннина; онъ купилъ ме-
ня для своей дочери : я нашла въ домѣ
его окончаніе моихъ напастей. Преле-
стная Родопа, я не забуду никогда, что
ты была моею госпожею; благодаренія
твои пріобрѣли тебѣ надо мною вѣчныя
права. Ты возвратила мнѣ вольность, но
не освободила моего сердца.

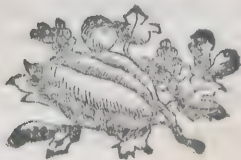
Имена ничего болѣе не сказала. Со-
страшъ удивлялся скромности ея. Будь
и ты моею дочерью, говорилъ онъ ей.
О отецъ мой ! го опила Родопа обнимая
Имену, ты даешь мнѣ опасную сестру :
однако я ея столько люблю, что не поза-
видаю

видую ей въ швоей горячности. Мудрой Рострапѣ, сказалъ ему Сосаенѣ : почто я не имѣю для тебя сына! Сіе щастіе принадлежитъ благополучному Темисею : Калласенѣ, братѣ Исменіасовѣ, оданѣ достойнѣ Родоны. Я общаю себѣ ошѣ швоей дружбы, говорашѣ Сострапѣ, чино ты обляжешь славнаго Темисея, починилъ меня свойсшамѣ своимѣ. Твое, ошвѣчаешѣ ему ошецѣ мой, столь знаменито, чинобы я никогда самѣ не дерзнулѣ его требовать. Между шѣмѣ какѣ они подавали другѣ другу взаимныя знаки своего содружества и искренности; и какѣ Панфія и Діанрея проливали радостныя слѣзы, Родопа, сказала миѣ, не будучи ни ошѣ кого услышана: по крайней мѣрѣ Исменіасѣ, по крайней мѣрѣ ты будешь бранѣ миѣ. Я не имѣлѣ времени ей ошвѣтствовать: мы возблагодари верховнаго жреца, такѣ какѣ должно было за столь важную оказанную намѣ ошѣ него услугу, ошправились благополучно.

Имена хотѣла пробѣжать чрезѣ Аршикомѣ и испытать еще приключеніе пощюка Діаннина. Я воспротивился безполезному искушенію, которое замедляло только моимѣ щастіемѣ; она была дозвольна моею довѣренностію: но ей хотѣлось имѣть новыхѣ свидѣтелей своей добродѣтели.

Мы прибыли въ Авликомъ : я нашей
 мамѣ возлюбленнаго своего Краписеена,
 коему жестокая горлица возпрепятствовала
 прѣхать въ Дафнополисъ. Послали за
 Каалисееномъ, которой не ожидалъ, чтобы
 это было для здѣланія его владѣтелемъ
 наипрекраснѣйшей дѣвицы въ свѣтѣ. Его
 и мое бракосочетаніе совершились въ одинъ
 день; это происходило въ садахъ Сосее-
 новыхъ. Греція не видала еще столь
 огромнаго и великолѣпнаго позорища: не
 сколь торжественной сей день казался мнѣ
 долготъ, сколь великую неперпѣливостъ праз-
 днованія дѣлають любовникамъ, которые
 ждуть только окончанія ихъ для совер-
 шенія своего блаженства! Будетъ ли конецъ
 дню сему, настанетъ ли для насъ ночь,
 говорилъ я Именъ? Оставлятъ ли насъ
 когданибудь одни? Сладчайшая ночь!
 ты уже и прошла! Естли всѣ за тобою
 послѣдующіе будутъ тебѣ подобны. Боги!
 я не буду завидовать и вашему сосюанію.

К О Н Е Ц Ъ .

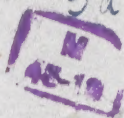

M-45
3-00

3-
1319/601

M-45
3-00

9235/665

85 24/959

UHB. NK III - 2378

10-10-15

75

